

Лес возвращает не всех

Гордей Ясин

Гордей Ясин

Лес возвращает не всех

«Автор»

2026

Ясин Г.

Лес возвращает не всех / Г. Ясин — «Автор», 2026

В лесу возле посада пропадают двенадцать смолокуров. Вернуть их может звонарь Северин Лад, но лес не принимает серебра: за каждого человека он забирает освоенное умение. Пока семьи ждут спасённых, наместник Горазд предлагает заплатить чужими долгами и превратить опасную тропу в доходную торговую дорогу. Каждый сильный удар колокола стирает имя Северина из памяти людей. Чтобы не стать безымянным хозяином нового договора, он должен отказаться от права решать за всех и научить других общему звону. Но договор с духом нельзя расторгнуть — его можно лишь переписать на нового носителя. «Лес возвращает не всех» — самостоятельный фэнтезийный роман о цене мастерства, свободном согласии и деле, которое перестаёт зависеть от одного незаменимого человека.

© Ясин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Двенадцатый топор	6
Глава 2. Голос на тропе	19
Глава 3. Первый звон	28
Глава 4. Человек без следа	36
Глава 5. Узел на буке	44
Глава 6. Пустая строка	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гордей Ясин

Лес возвращает не всех

От автора

В этой истории лес не забирает у человека воспоминание или год жизни. Он берёт нечто более земное: умение, которое было добыто долгой работой. То, что руки делают раньше мысли. То, чем человек кормит семью, выручает соседа и понимает самого себя.

Мне хотелось рассказать о цене, которую нельзя отдать за другого без его согласия, даже если кажется, будто это самый быстрый путь к спасению. И о том, почему общая ответственность — это не сложенная в одну кучу чужая боль, а договорённость, где каждый знает, что отдаёт, ради чего и на какой срок.

Главный герой здесь — звонарь. Его ремесло видно не по искрам из пальцев и не по древним словам. Оно видно по тому, как он проверяет ремень, бережёт бронзу от сырости и различает в долгом отзвуке живых и мёртвых. Всякий большой звон помогает кому-то найти дорогу, но делает самого звонаря чуть менее узнаваемым. Поэтому его выбор — это не выбор бесстрашного человека. Он боится исчезнуть из чужой памяти и всё равно поднимает колокол, когда другого пути не видит.

Путь через лес займёт семь дней. В нём не будет лёгких возвратов и удобных жертв. Тот, кого вывели, не получит назад всё по мановению руки. Людям придётся жить с потерями, учиться заново и переделывать привычную жизнь. Важнее другое: они выйдут не чьей-то собственностью, а людьми, которые сами назвали свою цену.

Лес в этой книге умеет считать, но не умеет быть справедливым. Справедливость придётся принести туда самим людям — не как волшебное слово, а как трудную привычку слышать друг друга до того, как колокол призовет их к ответу.

Глава 1. Двенадцатый топор

Колокол заговорил за четверть часа до того, как на дороге показалась пустая подвода.

Северин Лад стоял на верхней площадке колокольни и зашивал ремень у малого языка. Ремень был бычий, прокопчённый, толщиной в два пальца; вчера на стиге проступила белая нитка, и Северин решил не ждать, пока кожа лопнет во время звона. Он протолкнул иглу сквозь готовое отверстие, затянул дратву и услышал под ладонью короткое медное дрожание.

Ветра не было. Внизу, на площади, женщины полоскали бочки после кваса, у караульни спорили из-за мешка овса, а на крыше управы воробей клевал мох. Никто не тянул верёвку. И всё-таки большой погребальный колокол едва заметно качнулся в своей дубовой раме.

Северин положил иглу на настил.

Колокол не звякнул. Звук возник внутри бронзы, как возникает слово во рту у человека, который ещё не решился его произнести. Низкий гул прокатился под пальцами Северина и погас у венца. Потом повторился: один долгий толчок, два коротких, ещё один долгий.

Живые.

Так отзывались живые, если лес заслонял им дорогу домой.

Северин обнял колокол обеими руками и прижал ухо к прохладному боку. Бронза пахла пылью, старым салом и грозой, которой сегодня не обещало чистое сентябрьское небо. В глубине гула было что-то ещё: частое постукивание, будто деревянные рукояти били друг о друга на ходу.

— Сколько вас? — спросил он тихо.

Колокол не отвечал на вопросы. Он никогда не был добрым собеседником. Он только доносил то, что уже коснулось смерти или подошло к ней слишком близко.

Снизу позвал ученик:

— Северин Маркович! С дороги телега идёт! Без возницы!

Северин отпустил бронзу. На ладонях остались серые круги. Он сунул иглу в кожаный футляр, запер заслонку колокольни и начал спускаться, считая ступени. На двадцать третьей нога привычно нашла выбоину. На сороковой он услышал крики с площади. На пятьдесят второй уже различал скрип колёс.

Подвода въехала в посёлок сама собой — не волшебством, а по лошадиной памяти. Гнедая кобыла шла с опущенной головой, повод волочился по земле. Правое колесо было обмотано еловой лапой вместо содранного обода. На передке лежала ватная рукавица, почерневшая от смолы. В телеге, поверх двух пустых бочек, были сложены топоры.

Люди расступались перед кобылой и снова сходились за ней. Кто-то уже узнал лошадь артельного старшего Тихона. Кто-то побежал за его женой. Мальчишка в красной рубахе попытался ухватиться за задок, но мать отдёргнула его так резко, что он сел в пыль.

Северин взял кобылу под уздцы. Она вскинула голову, показала белки и только потом признала знакомый голос.

— Тихо, Печка. Дошла. Молодец.

На хомуте засохла пена. Под брюхом и на ногах налипли репы, которых не росло ни на дороге к смолокурням, ни возле посёлка. Такие цепкие, с тремя крючками, Северин видел на старой западной просеке. Просека двадцать лет как заросла и вела к самому беспокойному краю леса.

— Чья телега? — спросил десятник караула, хотя прекрасно знал ответ.

— Тихонова, — сказала бондариха Аглая. — У него на оглобле три зарубки. Вот они.

Она провела ногтем по дереву. Голос у неё был спокойный, но пальцы дрожали. Её младший брат ушёл со смолокурами пять дней назад.

Северин подошёл к задку телеги и начал перекладывать топоры на землю. Каждый клал отдельно, лезвием от толпы. Люди называли владельцев раньше, чем он успевал рассмотреть метку.

— Этот Прошкин, с медной заклёпкой.

— Длинный — Матвея.

— С берёзовым клином Аглаиногo Савки.

Один. Два. Три.

У смолокуров были похожие топоры, но не одинаковые. На одной рукояти хозяин выжег волчий зуб, другую обмотал конопляной нитью у обуха, третью выстругал под большую левую ладонь. Северин знал эти различия не хуже голосов. Каждый год артель просила его дать первый весенний звон перед уходом на делянки. Они стояли внизу, смеялись, обещали принести душистой смолы для колокольных ремней. Потом он видел, как те же руки точили лезвия у корыта.

Десять. Одиннадцать.

Северин ощупал дно телеги. Под рукавицей лежал ещё один кожаный чехол, пустой и рассечённый у завязки. На чехле было клеймо Тихона — круг и косая черта.

— Их ушло двенадцать, — сказала Аглая.

Толпа притихла.

— Топоров одиннадцать, — отозвался десятник.

— Я считать умею.

Северин заглянул под бочки, поднял попону, проверил солому. Двенадцатого топора не было. Он снова коснулся ближайшей рукояти и почувствовал слабую дрожь, ту же, что прошла по бронзе наверху. Не в дереве — у себя в пальцах.

К воротам подбежала Орина, жена Тихона. Она не стала звать мужа и не спросила, где он. Увидела его пустой чехол, выхватила из телеги и прижала к груди.

— Кто вернулся? — спросила она.

Никто не ответил.

— Лошадь, — наконец сказал Северин. — Пока только лошадь.

— А люди?

— Живы.

Десятник резко повернулся к нему:

— Откуда тебе знать?

— Колокол слышал.

По толпе прошёл шорох. Несколько человек подняли головы к колокольне. Отсюда большой колокол был виден между столбами звонницы — тёмный, неподвижный. Орина подошла к Северину почти вплотную.

— Все?

Ему хотелось сказать да. Гул был множественным, но колокол не считал людей, и никакое ремесло не давало права превращать надежду в обещание.

— Не знаю, — сказал он. — Слышал живых. Больше не скажу.

Она моргнула, словно он ударил её, однако кивнула. За честность редко благодарили сразу.

Десятник велел отвести лошадь к кузнице и никого не подпускать к телеге. Приказ прозвучал разумно, поэтому никто не послушался. Родные разбирали топоры, узнавали пятна смолы, спорили, чья зарубка. Северин остановил их.

— Оставьте всё на месте.

— Зачем? — спросил сухой старик, державший топор сына.

— Лес мог отпустить железо не просто так. Мне нужно увидеть, как их сложили.

— Железом человека не выведешь.

— Иногда выводил тем, что человек держал последним.

Старик неохотно положил топор обратно. Северин осмотрел груз внимательнее. Лезвия были чистыми, хотя на делянке ими работали несколько дней. Не наточенными — именно чистыми, будто влажная земля слизала с железа смолу и щепу. Рукояти лежали комлями в одну сторону. Одиннадцать топоров складывал человек, знавший артельный порядок. А потом кто-то накрыл их попоной, запряг кобылу и пустил домой.

Лошадь сама не обмотала бы колесо еловой лапой.

— Они дошли до западной просеки, — сказал Северин.

— Смолокурни на севере, — возразил десятник.

Северин показал репы на гриве и хвосте.

— Эти растут за Мокрым оврагом.

— Ветер мог накидать.

— Ветер не заплетает их под подпругу.

Десятник хотел ответить, но у караульни ударили в железную доску: три быстрых удара. С площади к ним шёл наместник.

Горазд Велецкий не любил бегать и никогда не позволял свите бежать рядом. Даже сейчас он двигался размеренно, поправляя перчатку на правой руке. За ним шли писарь с папкой, двое стражников и управляющий смоляными сборами. Люди освобождали дорогу. Горазд был моложе, чем казался издали: ему не исполнилось и сорока, однако серебряная прядь над виском и привычка слушать с закрытым ртом придавали ему вид человека, уже знающего цену любому чужому слову.

Он остановился у подводы.

— Кто трогал груз?

— Половина площади, — ответил Северин.

— Значит, следы испорчены.

— Не те, которые мне нужны.

Горазд посмотрел на него, потом на колокольню.

— Мне сообщили, бронза отозвалась без удара.

— Верно.

— Ты уверен, что это были смолокуры?

— Нет. Но живая просьба пришла вместе с их подводой.

— Просьба? — переспросил писарь и раскрыл папку.

— Закрой, Левша. Это не показание для протокола, — сказал Горазд. Он всегда называл писаря по прозвищу, хотя у того были целы обе руки. — Северин, поднимемся к тебе.

— Сначала осматрю лошадь.

Управляющий возмутился:

— Наместник велит.

— А лес ждать не велит, — сказал Северин.

Горазд снял перчатку, провёл большим пальцем по серебряной пряди и неожиданно кивнул.

— Осматривай.

Северин попросил принести чистое ведро и снял с кобылы седёлку. Под войлоком обнаружилась узкая полоса красной глины. Такой не было на северной дороге. На левом боку засохли три длинных потёка, похожие на следы веток, но ветка содрала бы шерсть. Северин размочил грязь водой и понюхал. Пахло железом и горькими листьями.

— Кровь? — шепнула Аглая.

— Не лошадиная. Кожа цела.

Орина сжала пустой чехол.

Северин поднял переднее копыто. Между подковой и стрелкой застряла тонкая белая щепка. Не берёза, не осина. Он осторожно вынул её кончиком ножа и завернул в лоскут.

— Что это? — спросил Горазд.

— Не знаю.

— Ты редко говоришь эти слова.

— Просто вы редко слушаете до конца.

У нескольких людей дёрнулись уголки рта. Горазд не улыбнулся.

— Теперь на колокольню.

Они поднялись втроем: Северин, Горазд и писарь. Стража осталась у лестницы. На площадке было тесно от солнечных полос, натянутых между ставнями. Большой колокол висел в центре. Его отлили задолго до рождения Северина; по нижнему краю шли семь литых листьев, а под каждым была выбита буква старого имени посёлка. Две буквы стёрлись от ладоней звонарей.

Горазд обошёл бронзу, не касаясь её.

— Дай услышать.

— Нельзя повторить самовольный отклик.

— Ударь.

— Это погребальный колокол.

— Я знаю, что висит в моей колокольне.

Северин посмотрел на него.

— В вашей управе висят ключи. Колокол висит сам по себе.

Писарь опустил глаза к бумаге. Горазд снял и вторую перчатку, аккуратно сложил обе на перила.

— Двенадцать работников пропали на земле, с которой собирается мой налог. Их семьи будут требовать поиска, управляющий — людей на замену, купцы — смолу к сроку. Я должен решить, посылать ли стражу. Поэтому ударь один раз и скажи, где они.

— Один раз не бывает.

— Я не намерен спорить о словах.

— Я о цене.

Северин подошёл к языку большого колокола. Чёрное железо было почти в человеческий рост. К нижней петле крепилась верёвка, конец которой лежал свернутым на настиле. Для обычного погребального звона хватало двоих учеников. Закрепить тропу в лесу можно было только полным раскачиванием, когда язык бил по двум сторонам чаши и бронза начинала отвечать не ушам, а костям.

— Если ударить сейчас, — продолжил Северин, — лес услышит, что его зовут к расчёту. Он сменит тропы раньше заката. Люди внутри потеряют ещё полдня. А я отдам часть имени впустую.

Писарь перестал водить пером.

Горазд спросил:

— Часть имени — это сколько?

— Нельзя измерить меркой зерна.

— Кто-нибудь забудет, как тебя зовут?

— Может забыть. Может вспомнить неверно. Может увидеть меня и решить, что мы не знакомы.

— После одного удара?

— После настоящего звона. Удар без намерения ничего не покажет.

— Удобное ремесло. Нельзя проверить, нельзя измерить, а платит всегда мастер.

— Удобные ремёсла не требуют привязывать себя к балке, чтобы не выбросило с площадки.

Горазд подошёл к открытой ставне. Внизу люди окружали телегу. Орина всё ещё стояла у задка, Аглая держала кобылу. Семьи пропавших прибывали с окраин, узнавая новость по лицам встречающих.

— Стража пойдёт утром, — сказал наместник. — Двадцать человек. Сегодня они готовят провиант, верёвки и оружие.

— Утром будет поздно.

— Ты только что сказал, что люди живы.

— Сегодня. Лес уже взял их с дороги и вернул вещи. После заката он начнёт предлагать выход.

— Предлагать кому?

— Каждому отдельно.

— И что потребует?

Северин помолчал. О лесной плате в посёлке знали все, но знали как о пожаре: пока дым не над твоей крышей, правила кажутся старой страшилкой.

— Умение, — сказал он. — Не память о том, как что-то делается, а само умение. Можно помнить каждый шаг и всё равно не суметь повторить.

Писарь недоверчиво хмыкнул.

— Если лес возьмёт у смолокура варку смолы, он забудет рецепт?

— Нет. Он назовёт тебе температуру на каждом часу. А котёл всё равно перегреет.

— Тогда пусть отдадут что-нибудь малое, — сказал Горазд. — Свистеть, бросать камни, плести лапти.

— Лес отличает выученное от притворства и цену от мусора. Чем ближе умение человеку, тем короче выход.

— Значит, они могут выйти сами.

— По одному. Если согласятся. И никто не знает, где окажется тот, кто отдал своё ремесло. Иногда тропа выводит домой. Иногда только из чащи в болото.

Горазд повернулся.

— А колокол?

— Может удержать одну дорогу и собрать их к ней. Если я найду место, где лес готов торговаться.

— Ты предлагаешь войти туда сегодня втроём или вчетвером, вместо того чтобы утром послать двадцать вооружённых людей.

— Двадцать вооружённых людей оставят лесу двадцать дорог. Он любит тех, кто думает, будто топор решает спор.

Наместник взял перчатки с перил.

— Я запрещаю выход до рассвета.

Северин ожидал торга, расспросов, даже угрозы снять его с колокольни. Прямой приказ прозвучал так просто, что он не сразу ответил.

— На каком основании?

— На том, что западная просека закрыта после исчезновения сборщиков семь лет назад. На том, что ты единственный звонарь в трёх днях пути и не имеешь права рисковать собой без замены. И на том, что мне не нужен второй пропавший отряд.

— Вам нужны смолокуры?

— Мне нужны живые работники и спокойный посёлок.

— До утра получите одиннадцать сделок с лесом. Может, двенадцать.

— Это твоя догадка.

— Это моё ремесло.

— А управление — моё.

Горазд надел перчатки и начал спускаться. Писарь задержался, словно хотел что-то спросить, но поспешил следом.

Северин остался у колокола. Внизу наместник объявил семьям, что с рассветом выйдет снаряжённый отряд. Люди слушали молча. Двадцать стражников звучали надёжнее одного звоняря. Верёвки, оружие, провиант можно было увидеть и пересчитать. Северин не обижался на их облегчение. Он сам предпочёл бы такую помощь, если бы лес подчинялся числу людей.

Бронза под ладонью снова вздрогнула.

На этот раз отклик был слабее. Между двумя короткими толчками возник провал, будто один из стучавших пальцев устал.

Северин закрыл ставни.

В кладовой под лестницей он достал походный колокол. Тот был размером с ведро, без украшений, с потемневшим от дождей боком. Носили его на деревянной дуге двое, а для дальнего звона подвешивали к молодой сосне или треноге. Северин проверил медную серьгу, кожаный ограничитель языка и каждую заклёпку. Затем положил рядом запасные ремни, моток вощёной верёвки, молоток, клинья и свёрток с салом для кожи.

Ученик Вешняк появился в дверях бесшумно, хотя обычно топал так, что пугал голубей.

— Вы всё равно пойдёте, — сказал он.

— Я собираю снаряжение.

— После запрета.

— Запрет не весит столько, сколько этот колокол. Подай левую лямку.

Вешняк подал. Ему было девятнадцать, но из-за длинных рук и слишком короткой куртки он казался подростком. В звонари его взяли не за слух — слух был обыкновенный, — а за терпение. Месяц он учился одинаково завязывать узлы и ни разу не заявил, будто уже умеет.

— Я понесу вторую сторону, — сказал он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты нужен большому колоколу.

— Он сам сегодня звонил.

— Тем более. Каждые два часа поднимайся и клади ладонь на венец. Если почувствуешь три ровных толчка, ударишь в железную доску у караульни. Не в колокол.

— А если четыре?

— Беги за мной.

— Куда?

— Хороший вопрос. Поэтому лучше пусть будет три.

Вешняк насупился.

— Я уже ходил до Мокрого оврага.

— Днём, по дороге.

— Всё равно дальше, чем Аглая.

— Аглаю я не беру.

— А кого берёте?

Северин затянул лямку и подумал о двенадцати смолокурах, каждый из которых знал лесные работы. Ему нужен был человек, способный заметить перемену тропы до того, как она замкнётся. В посёлке таких было двое. Старый Лучко сломал ногу весной. Вторая с утра проверяла силки за речкой и могла ещё не слышать о пропаже.

— Дарену Яр, — сказал он.

Ученик присвистнул.

— Она после прошлой осени обещала сбросить вас с моста.

— Значит, помнит моё имя.

— Пока помнит.

Северин взглянул на него. Вешняк побледнел, поняв, что сказал, но Северин только кивнул.

— Вот поэтому останешься здесь. Если завтра я вернусь и ты меня не узнаешь, сначала спроси, кто правил твой первый ремень. Ответ: ты сам, а я заставил переделать семь раз.

— Девять.

— Значит, узнаешь.

Он оставил ученика паковать сухари и пошёл к северной окраине. За площадью уже выставили стражу. Десятник записывал желающих в поисковый отряд, но брал только тех, у кого было оружие и тёплая одежда. Родные пропавших спорили с ним. Орина сидела у телеги и держала пустой чехол на коленях.

Северин хотел пройти незаметно. Она подняла голову.

— Ты не станешь ждать.

Это было не вопросом.

— Нет.

— Возьми меня.

— Не возьму.

— Тихон мой муж.

— Поэтому ты пойдёшь на любой голос, который позовёт им. Даже если голос будет из-под земли.

Орина встала. Она была ему по плечо, широкая, сильная, привыкшая одна поднимать мешки с мукой. Сейчас ей хватило бы одного крика, чтобы люди задержали Северина и позвали стражу. Она не крикнула.

— Что тебе нужно от меня?

— Перечень всех двенадцати. Что каждый умеет лучше всего и чем согласился бы заплатить, если лес уже начал торг.

— Как я могу знать, на что согласится другой человек?

— Никак. Поэтому напиши только то, что знаешь наверняка. Остальное оставь пустым.

— Тихон не отдаст артель.

— Артель — не умение.

— Для него умение. Он может поставить рядом двоих, которые ненавидят друг друга, и к вечеру они работают одним темпом. Может по звуку топора сказать, кто устал. Может разделить заработок так, что ругаются все, а наутро всё равно приходят.

Северин посмотрел на пустой чехол.

— Тогда пусть не отдаёт.

— Ты сумеешь остановить?

— Если успею услышать.

Орина протянула ему чехол.

— Возьми. Он сам его резал и шил. Найдёшь топор — найдёшь Тихона.

Северин хотел отказаться: лишняя вещь цеплялась бы за ветки. Но лес узнавал людей по тому, что они делали руками, а в грубых стежках чехла было больше Тихона, чем в любом словесном описании. Он привязал чехол к поясу.

— К рассвету вернись к колокольне, — сказал Северин. — Если большой колокол отзовется, Вешняку понадобятся люди.

— Для чего?

— Чтобы напомнить ему, кто звонит.

Дарены дома не оказалось. Дверь стояла на крючке, под навесом висели связки сушёных грибов, а на пне у сарая лежала свежая стружка. Северин нашёл её след за огородами: узкий отпечаток сапога, палка с железным наконечником, сорванная травинка на высоте колена. След уходил к реке.

Он не был следопытом. Он просто знал, какие знаки Дарена оставляла нарочно для тех, кто мог понадобиться.

Она ждала его у старой купальни. Рядом лежали два зайца, связанные за задние лапы, и раскрытый мешок. Дарена вынимала из него плоские деревянные метки и раскладывала на песке.

— Долго, — сказала она, не поднимая головы.

— Ты уже знаешь?

— Печка прошла мимо моих силков. Одна. На западной шерсти репы, на подкове белая щепка. Потом ударили в доску. Остальное нетрудно сложить.

— Их двенадцать.

— Было двенадцать. Сколько сейчас?

— Колокол слышит живых, но не считает.

Дарена подняла глаза. Они были серыми, почти бесцветными на солнце. Волосы она остригла у подбородка, чтобы ветки не хватали. На левой щеке белел шрам от уха к уголку губ, и из-за него казалось, будто она всегда немного усмехается.

— Горазд запретил выход до утра, — сказала она.

— Ты и это сложила?

— Он поставил стражу у западных ворот. Через северные пойдём дольше на час.

— Значит, через кладбище.

— На кладбищенской калитке новый замок.

— У меня есть ключ.

— У звонаря есть ключ от кладбища. Какая неожиданность.

Она собрала метки. На каждой был вырезан простой знак: глаз, ладонь, ступня, капля. Северин указал на них.

— Для чего?

— Проверю, как лес меняет цену шага. В прошлом году у западной просеки глаз темнел первым. Если сегодня почернеет ладонь, не трогаем деревья. Если ступня — не поворачиваем назад.

— Если все?

— Тогда ты зря тащил колокол.

— Я ещё не принёс его.

— Принесёшь. Ты никогда не приходишь просить помощи с грузом за спиной. Боишься, что человек согласится из жалости.

Северин сел на край купальни. Доска под ним прогнулась.

— Мне нужен проводник.

— Найми.

— Наместник утром наймёт двадцать.

— Тогда тебе нужен человек, который нарушит приказ вместе с тобой.

— Да.

— Это уже не проводник.

Он промолчал. Дарена завязала мешок, взяла зайцев и пошла к посёлку. Северин двинулся рядом.

— После прошлой осени ты сказала, что больше не поведёшь меня в лес, — напомнил он.

— Я сказала, что сброшу тебя с моста, если ещё раз назовёшь меня провожатой при людях.

— Вешняк помнит точнее.

— У Вешняка есть уши.

— Хорошие качества для звонаря.

Дарена остановилась.

— Северин, если я пойду, путь выбираю я. Если ты собираешься звонить, сначала говоришь мне. Людей выводим не по тому, чей родственник громче плачет. И при Горазде, при страже, при самих смолокурах ты называешь меня не проводником, а вторым старшим.

— Нас будет двое.

— Поэтому каждый второй — старший.

— Колокол требует одного решения.

— Колокол твой. Тропа не твоя.

Они стояли у реки, и вода несла между камнями жёлтые листья. Северин вспомнил прошлую осень. Тогда он настоял на коротком пути к потерявшемуся ребёнку, потому что услышал плач в бронзе. Дарена предупреждала: короткая тропа уже закрывается. Они успели вынести мальчика, но двое суток блуждали сами, а Дарена распорола щёку о сучок, когда вытаскивала Северина из корневой ямы. На площади он поблагодарил «проводжатую». Она не ударила его только потому, что рядом стояла мать мальчика.

— Второй старший, — согласился он. — Решение о звоне принимаем вдвоём, если есть время говорить.

— Если времени нет?

— Каждый делает своё дело и потом отвечает за него.

— Уже лучше.

— Ты идёшь?

— Я собирала метки до твоего прихода.

У кладбища встретились после полудня. Вешняк притащил походный колокол на ручной тележке и уложил рядом мешки. Дарена принесла лук, короткий топор, моток красной нити и свёрнутый плащ. Северин взял воды на три дня, хотя рассчитывал вернуться раньше. Расчёт в лесу был не обещанием, а способом понять, когда ты уже опоздал.

— Возьмите меня до просеки, — попросил Вешняк.

— Вернёшься один? — спросила Дарена.

— По дороге.

— Дороги оттуда уже нет.

Ученик посмотрел на Северина, но тот затянул ремень молча.

Вешняк сунул ему маленький мешочек.

— Гвозди. Вы забыли.

— Я положил двенадцать.

— Теперь будет двадцать.

Северин взял мешочек.

— Следи за большим.

— Каждые два часа. Три толчка — доска. Четыре — бежать за вами. А если он назовёт вас?

Дарена взглянула на ученика, потом на Северина.

— Колокол не называет людей, — сказал Северин.

— А если назовёт?

— Тогда постарайся запомнить.

Они открыли кладбищенскую калитку. Новый замок и правда висел на цепи, но запирали её только снаружи; сторож боялся мертвецов меньше, чем живых сборщиков железа. Северин провёл тележку между могилами. Колёса подпрыгивали на корнях. Возле северной стены они свернули к пролому, заросшему бузиной, и вышли на покос.

Посёлок остался за спиной. Впереди лежали три полосы земли: скошенный луг, чёрное болото с настилом и лес. Издали лес не казался ни злым, ни волшебным. Сосны стояли светло и редко, в берёзах дрожал день. Над кронами кружили две птицы. Но северная кромка тянулась ровно, а западная выступала длинным тёмным мысом, которого Северин не помнил.

Дарена тоже его заметила.

— Утром мыса не было, — сказала она.

— Ты видела?

— С холма.

— Значит, лес вышел навстречу.

— Не радуйся. Когда он сокращает дорогу, плату берёт раньше.

На болотном настиле они нашли следы кобылы. Печка прошла здесь ночью, ломая тонкий лёд в лужах. Рядом тянулись человеческие отпечатки — один человек в сапогах шёл до середины болота, потом следы исчезали. Не сворачивали и не возвращались. На следующей сырой доске осталась только длинная царапина, будто по ней протащили топориче.

Северин присел.

— Тихон?

Дарена измерила отпечаток ладонью.

— Может быть любой крупный мужчина. Шёл босой правой ногой внутри сапога: пятка разбита, шаг бережёт. У Тихона старая рана?

— Орина не говорила.

— Потому что ты не спросил.

Он принял упрёк. В спешке он искал сведения об умениях и забыл о телах.

За болотом они сняли колокол с тележки. Дальше колёса не прошли бы. Деревянную дугу положили на плечи: Северин впереди, Дарена сзади. Вес сразу вдавил ремни в ключицы. Язык колокола был привязан, но на каждом шаге бронза покачивалась и тянула их то вправо, то влево.

— Если вздумаешь звонить на ходу, — сказала Дарена, — я брошу свою сторону.

— Тогда он сначала ударит меня.

— Именно.

До западной просеки оставалось не меньше двух вёрст, когда солнце исчезло. Не село — просто свет сделался серым, как вода после стирки. Сосны сомкнулись за спиной, хотя путники не заметили, когда вошли под них. Запах болота пропал. Вместо него пришёл запах свежей щепы.

Дарена велела остановиться. Они опустили дугу на два пня. Она достала четыре метки и положила на землю знаками вверх. Деревянные кружки были светлыми. Через несколько вдохов на метке с глазом выступила тёмная точка.

— Смотрит, — сказала Дарена.

— Кто?

— Не спрашивай у леса «кто». Он любит отвечать не тем голосом.

Точка расплзлась по вырезанному глазу, заполнила его до краёв и остановилась. Остальные знаки не изменились.

— Можно касаться деревьев и возвращаться, — сказала она. — Нельзя верить тому, что увидим дальше двадцати шагов.

— Удобная граница.

— В лесу всё удобное придумано, чтобы человек быстрее ошибся.

Они снова подняли колокол. Просеки не было. Между соснами тянулась дорожка, устланная белой щепой — той самой, которую Северин вынул из копыта кобылы. Щепы были свежей, влажной, но ни одного срубленного дерева вокруг. Он поднял кусочек и растёр. Пахло горько, как лошадиный бок.

— Не бери, — сказала Дарена.

Северин бросил щепку.

Через сотню шагов показался топор. Он был вбит в сосну на высоте человеческой груди. Рукоять обмотана конопляной нитью, на обухе — круг и косая черта.

Тихонов.

Двенадцатый.

Северин шагнул к нему. Дарена дёрнула свою сторону дуги, и край колокола больно ударил его по бедру.

— Стой.

— Это его топор.

— Я вижу.

— Значит, он дошёл сюда после подводы.

— Или лес хочет, чтобы ты так решил.

Топор находился шагах в пятнадцати. За ним между стволами стоял мужчина. Белая рубаха, тёмная борода, перевязанная пятка. Лицо закрывала ветка, но Северин узнал широкие плечи Тихона.

— Северин! — крикнул мужчина. — Не звони!

Голос был Тихонов. Не похожий — его. С хрипотой после дыма, с привычкой проглатывать последнюю гласную.

Северин потянулся снять дугу с плеча.

— Сколько шагов? — спросила Дарена.

Он пересчитал. От них до топора было пятнадцать. До мужчины — двадцать два или двадцать три.

— Больше двадцати.

— Тогда его нет.

— А топор?

— Топор есть.

Мужчина шагнул ближе. Ветка открыла лицо. Это был Тихон — измученный, с кровью на вороте.

— Не слушай её, — сказал он. — Они здесь. Все. Я нашёл выход, только вынь топор.

Дарена достала лук.

— Не стреляй, — сказал Северин.

— В кого? Его нет.

Она пустила стрелу в землю перед фигурой. Стрела прошла сквозь серый свет и ударила в корень. Мужчина даже не моргнул.

— Орина дала тебе чехол, — продолжил он. — Верни топор, и я выведу остальных.

Северин почувствовал, как чехол на поясе стал тяжёлым. Лес видел вещи. Возможно, слышал разговоры у границы. Возможно, Тихон и правда стоял там, только дальше, чем казалось.

Походный колокол тихо дрогнул между ними.

Один долгий толчок, два коротких.

Живые.

Из глубины леса ответил стук. Одиннадцать деревянных рукоятей ударили разом, затем ещё раз. Фигура Тихона обернулась на звук, и на миг Северин увидел у неё гладкий затылок без волос и кожи, белый, как свежая щепка.

Дарена медленно отступила.

— Теперь можно поверить глазам, — сказала она. — Оно ближе двадцати шагов.

Фигура рванулась к ним.

Они бросили дугу на землю. Дарена ударила топором по ремню, освобождая язык. Северин встал между ручками, ухватил верёвку обеими руками и потянул. Первый удар был слабым: колокол лежал низко, бронза качнулась всего на ладонь. Но звук разошёлся по земле. Белая щепка подпрыгнула, будто по дорожке пробежал ветер.

Фигура остановилась.

— Ещё? — спросил Северин.

Дарена смотрела на метки. Глаз почернел целиком. На ладони появилась тонкая тёмная черта.

— Нет. Большой звук привяжет нас к этому месту.

— Зато покажет людей.

— И покажет им нас.

Из-за деревьев донеслось двенадцать ударов. Северин насчитал точно. Одиннадцать быстрых и последний, запоздалый, будто человек поднимал топор повреждённой рукой.

Фигура Тихона распалась не туманом и не пылью. Просто оказалась двумя соседними соснами, между которыми висела белая рубаха. С одного рукава капала кровь.

Настоящая ли — Северин не знал.

Зато топор оставался в стволе.

Дарена обвязала ближайшее дерево красной нитью, потом подошла к оружию сбоку, не пересекая дорожку белой щепы. Древко было вбито не лезвием. Сосна сама обросла металл, зажав его корой.

— Не вытащим без пилы, — сказала она.

Северин приложил к рукояти пустой чехол. Размер совпал. В кожаной петле что-то хрустнуло. Изнутри выпал сложенный вчетверо кусок бересты, которого Орина, вероятно, не заметила.

На бересте углём было написано одно слово: «НЕЧЕМ».

Ниже шли двенадцать коротких черт. Первые одиннадцать перечёркнуты. Последняя оставалась чистой.

— Это Тихон писал? — спросила Дарена.

— Не знаю его руки.

— Теперь знаешь. Запомни.

Северин провёл пальцем рядом с угольными буквами. Не касаясь. Нечем — что? Платить? Рубить? Возвращаться? Если одиннадцать человек уже согласились отдать умения, почему лес не выпустил их и зачем Тихон отправил лошадь?

Колокол снова дрогнул. На этот раз не узором живого отклика, а одним глухим ударом языка о бронзу.

С запада быстро темнело.

— До заката меньше часа, — сказала Дарена. — Выбираем место и ставим колокол. Назад не успеем.

Северин сложил бересту и спрятал в нагрудный карман.

— Люди в той стороне.

— Я слышала.

— Если закрепим тропу здесь, они смогут прийти на звук.

— И то, что носило рубаху, тоже сможет.

— Оно уже знает, где мы.

Дарена подняла метку с ладонью. Тёмная черта удлинилась, разделяя вырезанную руку пополам.

— Тогда до первой звезды не трогаем ничего голой кожей. Найдём две живые сосны, поставим дугу и дадим только зов, не полный звон.

— Решение о звоне принимаем вдвоём, — напомнил Северин.

— Я принимаю зов. А ты?

Он посмотрел на двенадцатый топор. На чистую черту в записке. На белую рубаху, с которой перестала капать кровь.

— Я тоже.

Они понесли колокол с дорожки в густой ельник. Северин чувствовал спиной чужой взгляд, но не оборачивался. Через двадцать шагов Дарена остановилась и указала вперёд.

Между корнями лежал человек.

Он был лицом вниз, в смолокуровой куртке. Правая рука вытянута к ним, пальцы испачканы углём. На поясе висел пустой топорный чехол без клейма.

Северин поставил дугу, подошёл и коснулся шеи через рукавицу. Кожа была тёплой. Пульс бился слабо, но ровно.

— Жив, — сказал он.

Человек шевельнулся. Поднял голову. Северин узнал Матвея по длинному носу и седой полосе в бороде. Смолокур посмотрел на него без удивления, будто ждал именно здесь.

— Не вынимайте топор, — прошептал Матвей.

— Не вынули.

— Тихон держит дверь.

— Где остальные?

Матвей открыл рот, но вместо ответа посмотрел на собственную ладонь. Перевернул её, прижал к земле, снова поднял. Потом оглянулся на примятую хвою за собой.

— Я не знаю, — сказал он.

— Чего не знаешь?

— Откуда пришёл.

Дарена присела рядом.

— Покажи свой след.

Матвей устался на землю. Там ясно отпечатались его колени, носки сапог и волочившаяся пряжка пояса. Он водил взглядом между ними и хмурился всё сильнее.

— Здесь нет следа, — сказал он.

Дарена и Северин переглянулись.

За их спинами, у вросшего в сосну топора, раздался первый вечерний удар — дерево о дерево.

Потом второй.

Потом ещё десять.

Северин поднял Матвея под плечи. Смолокур мог идти, но каждый раз ставил ногу так, словно земля возникала прямо под подошвой и тут же исчезала из памяти.

— К колоколу, — сказал Северин.

Они успели натянуть дугу между двумя соснами, когда над лесом проступила первая звезда. Дарена завязала красную нить вокруг их стоянки. Матвей сидел внутри круга и беспомощно смотрел на собственные отпечатки.

Северин взялся за верёвку.

— Только зов, — сказала Дарена.

— Только зов.

Он отвёл язык и ударил один раз.

Бронза ответила низко и чисто. Звук ушёл между деревьями, нашёл белую дорожку, коснулся двенадцатого топора. Далеко впереди закричал человек. Слева ему ответил другой. Потом третий.

Северин считал голоса, пока отзвук не умер.

Десять.

Матвей был одиннадцатым.

О двенадцатом лес промолчал.

Глава 2. Голос на тропе

После десятого ответа лес сделался тише, чем был до звона.

Северин держал верёвку, пока бронза переставала дрожать. Обычно отзвук уходил постепенно: сперва из воздуха, потом из дерева, последним — из костей. Здесь он оборвался разом, словно кто-то накрыл колокол мокрой шкурой. В ушах остался только собственный пульс.

Матвей сидел у сосны и рассматривал землю между сапогами.

— Они слышали? — спросил он.

— Десять человек ответили, — сказал Северин.

— Я был с ними?

Дарена затянула последний узел красной нити и только тогда обернулась.

— Ты здесь.

— Это я вижу. До того был с ними?

Он говорил спокойно, но пальцы скребли по коленям. Северин вспомнил, как Матвей когда-то отыскал в дождь телёнка вдовы Горницы. Прошёл от хлева до оврага, показал на смятую травинку и сказал, что телёнок хромает на левую заднюю. Тогда вся улица ходила за ним, как за ярмарочным чудом. Теперь перед смолокурком лежала примятая хвоя, на ней отпечатались его ладони, колени и волочившаяся пряжка, а он видел лишь сор.

— Ты пришёл от вросшего топора, — сказал Северин. — Один. Мы нашли тебя шагах в двадцати от него.

— Значит, меня отпустили.

— Кто?

Матвей поднял глаза.

— Лес. Кто же ещё.

Дарена опустилась перед ним на корточки.

— Чем заплатил?

— Следом.

— Не следом. Умением читать следы.

— Одно и то же.

— Нет. След можно снова оставить. Умение у тебя взяли насовсем.

Матвей провёл ладонью по лицу. Под ногтями остался уголь.

— Я согласился, — произнёс он после паузы. — Помню, что согласился. А на что — будто дверь захлопнули. Тихон велел не торговаться. Сказал: назвали цену — отвечай быстро, пока лес не предложил чужое.

Северин присел рядом.

— Где Тихон?

— У двери.

— Что за дверь?

— Если бы знал, назвал бы. Там две сосны и между ними темнота. Не ночная. Ровная, как доска, только доски нет. Тихон держал что-то поперёк. Топор, должно быть. Велел нам отходить по одному и отвечать, когда услышим звон.

— Отходить куда?

Матвей снова посмотрел на землю и беспомощно развёл руками.

— Вот этого теперь нет.

Снаружи круга хрустнула ветка.

Дарена мгновенно выпрямилась и положила стрелу на тетиву. Северин отпустил верёвку и взял молоток, которым вбивал колья дуги. Хруст повторился правее. Затем слева. Кто-то обходил стоянку, не приближаясь к красной нити.

— Человек так не ходит, — шепнул Матвей.

— Почему? — спросила Дарена.

Он открыл рот и стиснул зубы. Раньше ответ пришёл бы к нему раньше вопроса. Теперь он не мог объяснить даже собственную тревогу.

Северин снял с пояса маленький глухой бубенец. Такие привязывали к ноге покойника, которого везли из дальней деревни: живым звук говорил уступить дорогу, мёртвому — что его не бросили. Язык бубенца был обёрнут шерстью. Северин снял обмотку и качнул рукой.

Звук вышел тонким, почти детским.

За нитью перестали ходить.

Из темноты ответил такой же бубенец.

Трижды.

Северин не двигался. Его бубенец был единственным на заставе. Второй висел в звоннице над кладбищенской дорогой, в трёх верстах отсюда.

— Оно повторяет, — сказала Дарена.

— Нет. Я звонил один раз.

Из темноты донёсся четвёртый звон.

Матвей вскочил.

— Аглая так звала! Четыре раза. Когда котёл опрокинулся, она четырежды била ложкой по ободу.

— Сядь, — велел Северин.

— Она там.

— Или лес знает, что ты узнаешь этот зов.

— Тогда спросите её.

Дарена не опустила лука.

— Что спросить?

Матвей растерянно моргнул. Северин понял раньше него: любой вопрос о дороге теперь бесполезен. Матвей не мог подтвердить, откуда пришёл голос и где находился человек. Лес забрал не только ремесленную пользу. Он вынул из Матвея один из способов доверять миру.

— Спроси про котёл, — сказал Северин. — Про то, чего лес не видел.

Он повысил голос:

— Аглая! Какой котёл ты испортила весной?

Тишина.

Потом женщина за кругом ответила:

— Малый. С трещиной у ручки.

Матвей дёрнулся к нити. Дарена загородила ему дорогу луком.

— Неправильно, — сказал он. — Большой был. Малый она сама выкупила, а большой артельный пришлось латать.

Голос из темноты засмеялся. Смех оборвался на высокой ноте и перешёл в скрип дерева.

— До рассвета никто не выходит, — сказала Дарена.

— До рассвета они могут уйти дальше, — возразил Северин.

— Могут. А можем уйти мы, причём по одному и не в ту сторону.

Она вынула стрелу, но лук оставила в руке. Матвей сел обратно и привалился затылком к сосне. Некоторое время они молчали. За красной нитью больше никто не ходил. Только один раз далеко треснуло дерево, будто не упало, а раскололось вдоль.

Северин разложил на плаще то, что у них было: огниво, две свечи, моток бечевы, нож, горсть сухарей, флягу, красную нить Дарены, бересту со словом «НЕЧЕМ». Дарена добавила четыре стрелы с белым оперением, три с серым, мешочек соли, сушёную рябину и деревянную метку с вырезанными глазом и ладонью.

— К утру выбираем путь, — сказал он. — Десять голосов были впереди, за топором.

— Впереди тогда, — поправила Дарена. — После темноты стороны меняются.

— Звук пришёл оттуда.

— Звук пришёл к тебе. Это не одно и то же.

Северин посмотрел на неё через маленькое пламя свечи.

— Ты хотела равного голоса. Говори, куда идти.

— Равный голос — не обязанность угадывать за двоих.

— Тогда что ты видишь, чего не вижу я?

Дарена протянула руки к огню. На правой ладони тёмная черта рассекала вырезанный знак руки. Возле глаза расплывалось угольное пятно.

— Каждый путь здесь что-то обещает, — сказала она. — Не словами. Ты смотришь на тропу и вдруг уверен: по этой дойдёшь быстрее, на той найдёшь воду, третья выведет к человеку. Чем сильнее обещание, тем выше цена шага.

— Какая цена?

— Пока не ступишь, не узнаешь точно. Но её тяжесть я вижу.

Она подняла метку. На краю ладони проступили три тонких надреза, которых прежде не было.

— Когда мы свернули к Матвею, один надрез стал глубже. Если бы прошли мимо, лес взял бы нечто малое с нас и не отпустил бы его. Мы выбрали потерять время и нашли человека.

— Почему раньше не сказала?

— Потому что ты нёс колокол и считал себя единственным, кто платит.

Матвей хмыкнул, не открывая глаз.

— Хорошая пора для ссоры.

— Это не ссора, — сказала Дарена. — Это раздел работы.

Северин коснулся бронзового края. Колокол был холоден. Его ремесло тоже не давало ответа даром. Чтобы услышать живых, приходилось звать; чтобы удержать дорогу, звонить сильнее; за большой звон расплачиваться именем. Но цена была знакомой. Он сам выбирал, когда её принять. Дарена же смотрела на множество ещё не совершённых шагов и носила их тяжесть заранее.

— Утром покажешь варианты, — сказал он. — Я проверю их звоном. Решим вместе.

— Не так.

— Что ещё?

— Ты опять оставляешь себе последнее слово. Я покажу цену пути. Ты скажешь, где слышишь людей. Если пути не совпадут, не ты проверишь меня и не я тебя. Мы ищем третий.

— А если третьего нет?

— Тогда один из нас убеждает другого. Не приказывает.

Матвей открыл один глаз.

— Запишите на бересте. К утру оба забудете, как договорились.

Северин хотел ответить резко, но достал уголь. На обратной стороне Тихоновой записки места не было. Дарена отрезала полоску от своего мешочка для соли. На светлой коже Северин написал: «Она видит цену. Он слышит людей. Если не сходится — ищут третий путь».

— Подпиши, — сказала Дарена.

— Зачем?

— Чтобы лес знал, на чём нас не поспорить.

Он написал: «Северин Лад». Дарена поставила рядом своё имя. Матвей долго смотрел на буквы.

— Я прочту утром, — сказал он. — Если тропа отнимет у вас память.

— Ты умеешь читать? — спросила Дарена.

— Пока умею.

Они разделили ночь на три стражи. Первым бодрствовал Северин. Он сидел у колокола, положив верёвку на колени, и слушал. Лес не спал. Под корнями шла вода. В вершинах перешёптывался ветер, хотя возле земли воздух был неподвижен. Дважды издали доносился стук топора. Один раз кто-то назвал Северина голосом Вешняка.

— Учитель, — позвал голос. — Большой колокол треснул.

Северин не ответил.

— Учитель, я удержать не могу.

На заставе Вешняк никогда не называл его учителем. Только Северином, а при посторонних — звонарём. Так повелось с первого дня: подмастерье сказал, что учитель учит словами, а Северин сперва даёт поддержать верёвку и только потом объясняет, почему болят руки.

Голос повторил просьбу, но уже из-под земли. Северин обмотал верёвку вокруг запястья, чтобы не потянуть её спросонья.

Под конец стражи к красной нити подошла женщина. Он не видел её лица, только край серого платья и босые ступни. Она остановилась так близко, что пальцы ног почти касались нити.

— Звонарь, — сказала она. — Проводишь?

Голос был старый, усталый. Не подделка Аглаи и не Вешняк. Северин взял бубенец.

— Назови себя.

— Мне уже не нужно имя.

Мёртвая, понял он. Обычный лесной обман старался выманить живого и обещал знакомое. Эта ничего не обещала.

— Где твоё тело?

— Далеко от костей.

— Так не бывает.

— Здесь бывает.

Она подняла руку. В ладони лежал комок застывшей смолы, а в нём — молочный человеческий зуб.

— Не звони полно, — сказала женщина. — Дверь слушает.

— Какая дверь?

— Которую держит человек без топора.

— Тихон жив?

Женщина наклонила голову.

— Пока его дело живо.

Северин хотел спросить ещё, но Дарена, лежавшая у второго дерева, тихо сказала:

— Не бери ничего из её рук.

Женщина повернулась к ней.

— Видящая цену проснулась.

— Я не спала.

— Тогда знаешь цену своего совета.

Метка в руке Дарены треснула. Не раскололась, но по вырезанному глазу прошла светлая линия. Женщина улыбнулась одними губами, положила смоляной комок за красной нитью и отступила. Через два шага платье стало корой, волосы — лишайником, босые ноги слились с корнями.

Дарена подошла, не переступая нити.

— Не касайся, — повторила она.

— Я слышал.

— Ты уже решал, чем поднять.

— Лопатки у нас нет. Можно ножом.

— Оставим до света.

— Там зуб. Может быть, одного из пропавших.

— До света зуб не уйдёт.

— А если уйдёт?

— Значит, хотел, чтобы мы за ним пошли.

Он уступил. Это оказалось труднее, чем не отвечать голосу Вешняка. Предмет лежал на расстоянии вытянутой руки; возможно, единственная настоящая улика, а он должен был сидеть и ждать рассвета из-за чужого ощущения цены.

Когда Дарена сменила его, Северин лёг возле Матвея, но не уснул. Смолокур шептал во сне числа от одного до двенадцати и каждый раз пропускал семь. На седьмом месте у него выходило слово «дверь».

Перед рассветом Матвей закричал.

Северин вскочил, схватившись за молоток. Матвей стоял посреди круга, а у его ног красная нить, прежде натянутая между деревьями, уходила в землю. Не порванная — утопленная в хвою, словно за ночь обросла корнями. За кругом серели три тропы.

Вчера их не было.

Первая, широкая, шла между соснами к слабому дыму. Вторая спускалась в ельник; на влажной земле отпечатались босые ступни. Третью едва можно было различить по сломанным веточкам. На одной висел клочок белой рубахи.

Смоляного комка с зубом возле нити не оказалось.

— Он ушёл, — сказал Северин.

— Нет, — ответила Дарена. — Посмотри на корень.

Комок висел внутри прозрачной капли живицы, выступившей на сосне на высоте плеча. За несколько часов дерево втянуло находку в себя.

Матвей подошёл к тропам и замер. Он переводил взгляд с дыма на следы и рубаху.

— Что видишь? — спросила Дарена.

— Три дороги.

— А следы?

— Где?

Она показала на босые отпечатки. Матвей присел, коснулся края пятки, растёр мокрую землю.

— Я знаю, что это след, когда ты сказала. Сам вижу только ямки.

Он произнёс это без жалобы. Оттого Северину стало ещё тяжелее.

Дарена вынула метку и повернулась к первой тропе. Угольное пятно в вырезанном глазу потянулось к дыму.

— Обещает людей и тепло, — сказала она. — Цена тяжёлая. Не одному из нас, всем троим.

— Матвей тоже выбирает, — сказал Северин.

— Всем троим, кто ещё может привести других. Его лес уже выпустил.

Она посмотрела на вторую. Надрез в ладони стал шире.

— Обещает короткий путь к двери. Цена с одного человека. Большая.

— Что возьмёт?

— Не знаю.

Третья тропа не изменила метку вовсе.

— А эта?

— Ничего не обещает.

— Значит, безопасная?

— Значит, молчит.

Северин встал между тропами и один раз ударил по походному колоколу ладонью, не языком. Бронза отозвалась глухо. Он закрыл глаза. Дымная дорога вернула множество мелких

шорохов, похожих на голоса за стеной. От босых следов пришёл один глубокий отклик. Третья поглотила звук.

— На первой люди, — сказал он. — Много. На второй кто-то один. Третья не отвечает.

— Много голосов нам уже показывали, — напомнила Дарена. — Белая рубаша тоже была настоящей вещью.

— Теперь светло.

— Лесу всё равно.

Матвей подошёл к дымной дороге.

— Смолокуры ставят дымовую яму, если разделились, — сказал он. — Сырая хвоя сверху, уголь снизу. Дым ползёт низко.

Здесь дым поднимался тонким прямым столбом.

— Не артельный, — понял Северин.

— Я этого не говорил.

— Но вспомнил, как должно быть.

Матвей кивнул. Лишившись умения читать оставленное на земле, он сохранил всё, чему научился у людей. Лес вырезал один навык, а не прожитую жизнь целиком.

Дарена указала на вторую тропу.

— Один глубокий отклик может быть Тихоном.

— Или той мёртвой.

— Мёртвых твой колокол слышит иначе?

— Если ударить языком. Ладонью — не всегда.

— Значит, не знаем.

Северин посмотрел на третью тропу. Клочок белой ткани колыхался без ветра. Поглощённый звук тревожил его сильнее ложного многоголосья. За такой тишиной могло быть не пустое место, а нечто, умеющее не отвечать.

— Ищем четвёртый путь, — сказала Дарена.

Он взглянул на полоску кожи с их договорённостью. Утром буквы остались на месте.

— Вокруг?

— Не обязательно ногами.

Она подошла к сосне, втянувшей смоляной комок. Светлая живица уже твердела. Зуб внутри был маленьким, передним. На смоле сохранился отпечаток ногтя.

— Мёртвая принесла вещь к кругу, — сказала Дарена. — Мы не взяли. Тогда дерево подняло её для нас. Это не приманка на тропу. Это указатель.

— Куда?

Матвей вдруг поднял голову.

— Смолу надрезают с южной стороны. Так ствол греется дольше.

Северин обошёл дерево. Старые насечки находились не с той стороны, что капля. Значит, здесь юг был там, где лес хотел его показать, а свежая живица выступила с настоящей тёплой стороны.

Дарена приложила ладонь к коре рядом с каплей. Тёмная черта на метке не углубилась.

— За деревом нет обещания, — сказала она.

— И тропы нет.

— Тропу делают шагами.

Они сняли колокол с дуги. Северин закрепил его на ремнях, Матвей взял один конец, Дарена — другой. Вместо любой из трёх дорог они пошли прямо за сосну, через молодой ельник. Ветки хлестали по лицу, корни цепляли сапоги. Через двадцать шагов за спиной раздался женский крик. Через тридцать пахло дымом. Через сорок кто-то побежал по их следу.

Матвей обернулся.

— Не смотри, — сказала Дарена.

— Я и так не увижу, кто там.

В его голосе впервые появилась злость. Он перехватил ремень и пошёл быстрее.

Ельник закончился внезапно. Перед ними лежала старая лесовозная колея, заросшая мхом. Настоящая: в низинах стояла вода, на возвышении колёса содрали кору с корней. На глине виднелись отпечатки сапог.

Матвей остановился над ними.

— Не говорите, что это, — попросил он.

Он долго смотрел. Потом закрыл глаза, открыл снова, провёл пальцем по краю одного отпечатка.

— Человек шёл туда, — сказал Матвей и показал налево.

Северин почувствовал надежду, но смолочур покачал головой.

— Я угадал по носку сапога. Не прочёл. Не радуйся раньше меня.

Дарена осмотрела метку.

— Колея ничего не обещает. Цена шага обычная: усталость, время, мокрые ноги.

— Лучшая цена за утро, — сказал Северин.

Он ударил ладонью по бронзе. Слева пришёл слабый человеческий отклик. Не десять голосов и не один глубокий удар — короткий кашель, затем три стука металлом о дерево.

Матвей побледнел.

— Аглая, — сказал он. — Когда руки заняты, она отвечает обухом: три раза.

— Теперь спросим про котёл, — сказала Дарена.

Северин набрал воздух.

— Аглая! Какой котёл ты испортила весной?

Издалека донёсся сиплый голос:

— Большой! А малый я выкупила, чтоб вы всю жизнь не поминали!

Матвей засмеялся. Смех сорвался и стал похож на плач, но он не отвернулся.

Северин уже хотел идти на голос, когда Дарена удержала ремень.

— Сначала решим, — сказала она.

— Что тут решать? Это она.

— Она. Но между нами что-то есть.

На её деревянной метке вырезанная ладонь стала чёрной до запястья.

Кашель повторился. Теперь ближе. За поворотом колеи шевельнулся куст, и над ним поднялся обух топора. Трижды ударил по сухой сосне.

— Цена с неё или с нас? — спросил Северин.

— С того, кто первым назовёт её по имени на тропе.

Матвей прижал ладонь ко рту.

— Мы уже называли.

— За кругом и до колеи. Здесь правило другое.

— Что возьмут?

Дарена смотрела на почерневшую ладонь.

— Умение, связанное с её именем. Чем она известна тому, кто позовёт.

Северин услышал за кустами тяжёлое дыхание женщины. Ещё несколько шагов — и они увидят её. Можно было крикнуть «иди сюда», не называя. Можно было ждать. Но тропа требовала не слово само по себе. Она выбирала связь между человеком и его делом.

— Матвей знает её как смолочура, — сказал Северин. — У него может забрать знание артельной работы.

— А ты?

Он вспомнил Аглаю у котла, ожог на её предплечье, ложку, которой она проверяла вязкость, привычку ругаться на сырой березняк. Для него она тоже была прежде всего мастерицей смолы.

— То же.

Дарена покачала головой.

— Я знаю её как женщину, которая три зимы водила припасы на дальние выселки. Если назову я, тропа может взять моё умение водить людей через лес.

— Этого нельзя.

— Нельзя тебе решать за меня.

— Без твоего умения мы не найдём остальных.

— А без её умения артель не сварит смолу. Цена всегда выглядит удобнее, когда платит другой.

За поворотом закашлялись снова. Топор ударил лишь дважды. Третий стук не прозвучал. Северин снял с плеча бубенец.

— Имя не обязательно произносить голосом.

— Что задумал?

— Она зовёт обухом. Ответим звоном, которым встречают живого путника. Не называя её и не называя ремесла.

Дарена проверила метку.

— Цена есть. Малая.

— Какая?

— Бубенец больше не узнает её. Для Аглаи он станет немым.

— Это вещь, не умение.

— Лес иногда берёт связь, если её честно назвали.

Северин положил бубенец на ладонь.

— Согласна?

Дарена посмотрела туда, где за кустами снова поднялся топор.

— Согласна. Но она тоже должна выбрать.

Северин позвонил один раз. Потом крикнул, не называя имени:

— Слышишь? Если пойдёшь на этот звук, он больше никогда не сможет тебя позвать.

Согласна на такую цену?

Долго не было ответа.

Затем женщина сказала:

— Согласна. Только звони ещё, ноги не слушаются.

Северин качнул бубенец. Язык ударился о медь беззвучно.

Не тихо — именно без звука, хотя пальцы почувствовали удар.

Из-за поворота вышла Аглая. Волосы слиплись от смолы, куртка была разорвана на плече. В одной руке она держала топор, другой ощупывала воздух, словно шла в темноте. Увидев их, она остановилась.

— Почему замолчал? — спросила она.

Северин снова потряс бубенец. Для него тот звенел ясно и тонко. Аглая не моргнула.

— Вот цена, — сказал он.

Она посмотрела на бубенец, затем на колокол.

— Большой я услышу?

— Пока да.

— Тогда не жалею малый. Я его прежде и не любила.

Матвей шагнул к ней, но остановился, будто боялся, что между ними ещё одна невидимая черта.

— Ты видишь, откуда пришла? — спросил он.

Аглая указала назад.

— От двери. Тихон держит её топором, а нас лес выпускает по одному. Только выпускает не наружу, а на торг. Я отдала...

Она осеклась и посмотрела на ладони.

— Что? — спросил Северин.

— Не знаю, как сказать. Я помню смолу. Помню котлы. Знаю, сколько держать огонь. Но когда думаю, как исправить испорченную варку, внутри пусто. Будто вижу трещину и не понимаю, куда поставить заплату.

Дарена сжала метку.

— Лес взял не всё ремесло. Только умение спасать ошибку.

— Мало ему показалось, — сказала Аглая. — Он предлагал всё. Я выторговала часть.

Матвей усмехнулся без веселья.

— А я не торговался. Тихон велел отвечать быстро.

— Тихон велел не соглашаться на чужую цену, — резко сказала Аглая. — Быстро — только если называешь свою. Ты не дослушал.

Матвей отвернулся к отпечаткам на глине, которых не мог прочесть.

За спиной Аглаи в чаше раздался треск. Колея начала темнеть, словно на неё легла тень огромной двери.

— Уходим, — сказала Дарена. — Наш четвёртый путь уже стал одним из трёх.

Они подняли колокол вчетвером. Аглая взяла передний ремень, хотя одна рука плохо слушалась. Северин шёл рядом и слышал, как за ними кто-то пробует их голоса: сначала Матвеев, затем Аглаин, потом его собственный.

Дарена не оборачивалась. На развилке, которой прежде не было, она подняла метку и молча показала вправо. Северин ударил ладонью по бронзе. Справа откликнулись девять живых голосов.

Один из них крикнул:

— Не ведите её сюда! Дверь берёт имена!

Аглая узнала голос и побледнела.

— Это Тихон, — сказала она.

Слева тут же ответил другой Тихон:

— Быстрее! Я больше не держу!

Два одинаковых голоса спорили по разные стороны колеи.

Дарена посмотрела на Северина. Он — на её почерневшую метку. Ни звон, ни цена шага не давали готового ответа.

— Третий путь, — сказал он.

— Теперь ты понял, — ответила она.

И они пошли прямо между двумя голосами, туда, где не было тропы.

Глава 3. Первый звон

Между двумя голосами Тихона рос орешник.

Ветки стояли стеной, тонкие и прямые, переплетённые так плотно, что через них не пролезла бы собака. Дарена рубить запретила. Она нашла у самой земли просвет, легла на живот и просунула туда деревянную метку.

— Что видишь? — спросил Северин.

— Корни.

— На метке.

— Ничего. Будто дальше шага нет.

Слева Тихон кричал, чтобы они торопились. Справа тот же голос приказывал не вести Аглаю. Слова начали совпадать, затем оба голоса заговорили одновременно:

— Выберите меня.

Аглая подняла топор.

— Настоящий Тихон так не скажет.

— Почему? — спросил Матвей.

— Потому что он скажет, кого спасать. Не себя.

Дарена достала нож и срезала с орешника одну ветку. Под корой оказалась не белая древесина, а чёрная пустота. Срез не пустил сок. Ветка в её руке дёрнулась и обвилась вокруг запястья.

Северин ударил по ней молотком. Орешник разжал хватку, но на коже Дарены остался узкий багровый след.

— Не рубить, — сказала она. — И не обходить. Оба голоса ведут по краям стены.

— Тогда назад, — предложил Матвей.

Они обернулись. Старой колеи не было. За спиной стояли те же кусты, хотя четверо только что пришли оттуда с колоколом. Их следы кончались у пяток Аглаи.

Матвей присел и долго смотрел на последнюю вмятину в мху.

— Эта моя, — сказал он наконец.

— Узнал? — спросила Аглая.

— Сапог жмёт возле мизинца. Я ставлю ногу боком. Свою привычку помню, след — нет.

Он выпрямился и шагнул обратно на отпечаток. Под сапогом хрустнула сухая ветка. Орешник перед ними повторил тот же звук. Матвей поднял ногу, снова наступил — впереди опять хрустнуло.

— Он кладёт наше прошлое впереди, — сказала Дарена.

Северин снял походный колокол с ремней. Вместе с дугой он весил почти как взрослый человек, но сам сосуд можно было нести вдвоём. Они поставили его краем на мох.

— Если звук пройдёт сквозь стену, найдём слабое место, — сказал он.

— Ладонью, — предупредила Дарена.

Он приложил руку к бронзе и толкнул. Глухой отклик побежал вправо и влево. Орешник не вернул эха. Зато прямо впереди, за чёрными срезами, кто-то кашлянул.

Не голос Тихона. Женский кашель, сухой и надсадный.

— Там ещё одна? — спросила Аглая.

Северин ударил ладонью второй раз. В ответ раздалось три быстрых удара, пауза и ещё один.

Аглая нахмурилась.

— Это не наши.

— Почему?

— Артель отвечает трижды. Четвёртый удар означает, что человек отделён. Так стража перекликается на ночной дороге.

Дарена провела пальцем по багровому следу на запястье.

— За стеной стражник Горазда.

— Откуда он здесь? — спросил Матвей.

Северин вспомнил приказ наместника ждать до утра. Двадцать вооружённых людей должны были войти в лес с рассветом. Если Горазд сдержал слово, они уже пересекли границу. Если нет — он послал нескольких раньше, следом за звонарём.

— Позовём без имени, — решил Северин. — Как Аглаю.

Он ударил в бубенец дважды: дорожный знак «стой на месте». Из-за орешника ответил человеческий голос:

— Северин Лад? Это вы?

Дарена подняла ладонь, не позволяя ответить.

— Она назвала тебя, — прошептала Аглая. — Значит, знает.

— Лес тоже знает, — сказала Дарена.

— Кто говорит? — крикнул Северин.

— Милета Вороньина, десятница заставы. Нас восемь. Мы у ржавого камня.

Северин знал Милету. Высокая женщина с выбритым виском, которая в праздник всегда стояла за дверью часовни, потому что не любила тесноту. Накануне она держала повод левой рукой, когда Горазд прибыл к звоннице.

— Что было у тебя в левой руке вчера вечером? — спросил он.

— Повод гнедого. А в правой — приказ, который ты не послушал.

— Почему стоишь за дверью часовни?

— Потому что один звонарь спрашивает слишком много.

Аглая улыбнулась впервые с тех пор, как вышла на колею.

— Она.

— Как прошли сквозь орешник? — спросила Дарена громко.

— Здесь нет орешника. Между нами круглая поляна. Мы видим вас на другом краю, но сколько ни идём, вы не становитесь ближе.

Северин раздвинул ветки молотком. Между ними на миг проступил серый свет. На поляне стояли люди в зелёных плащах. Восемь человек вокруг валуна с рыжим подтёком. Милета подняла руку.

Ветка хлестнула Северина по лицу. Просвет закрылся.

— Они рядом, — сказал он. — Но пространство между нами завязано.

— Путь обещает соединить нас, если мы пойдём по голосу, — сказала Дарена. — Цена на метке не помещается.

Почерневшая ладонь на деревяшке расплылась до края, будто её опустили в чернила.

— Значит, не идём, — сказал Северин.

— Восемь человек останутся в петле, — возразила Аглая.

— Если войдём туда, останется двенадцать.

За стеной Милета выругалась. Потом послышалась команда:

— Назад к камню! Не трогать кусты!

Она умела держать людей. Горазд послал не худшую.

— У вас есть колокольный клин? — крикнул Северин.

— Что?

— Любой кусок железа, по которому можно ударить.

— Есть скоба от седла.

— Бейте четыре раза и молчите. Мы пойдём не на голос, а вдоль звука. Вы делайте то же со своей стороны.

Дарена посмотрела на него.

— Это всё равно два края стены.

— Мы не обходим её. Ищем место, где звуки совпадут.

Милета ударила по железу. Первый звон пришёл справа. Северин повёл своих вдоль орешника влево. После второго удара звук оказался прямо впереди. После третьего — снова справа, хотя они не меняли направления. На четвёртом бронза походного колокола сама отозвалась низким гулом.

— Здесь, — сказал Северин.

Перед ним рос куст, ничем не отличавшийся от других. Дарена поднесла метку. Чёрная краска собралась в середине ладони, оставив края чистыми.

— Цена есть, но делится, — сказала она. — На всех, кто пройдёт.

— Какая?

— Связана с умением держаться строем.

Милета услышала и ответила из-за веток:

— Если каждый отдаст по крупице, мы разучимся идти вместе?

— Может быть, — сказала Дарена.

— Тогда не годится. В лесу одиночки погибнут.

Северин осмотрел куст. В самой гуще висела сухая ветвь, изогнутая наподобие языка колокола. Она касалась двух соседних стволиков. Он качнул её молотком. Орешник зазвенел деревянно и глухо.

На поляне вскрикнул человек.

— Что случилось? — крикнула Аглая.

— У Плишки ремень лопнул, — ответила Милета. — Сам собой.

Северин ударил ветвь ещё раз. На этот раз у Матвея развязался пояс.

— Оно берёт связи, — сказал Матвей, удерживая штаны. — Любые.

— Ремни, строй, имена, — перечислила Дарена. — Всё, что держит одно возле другого.

— И дверь, — добавила Аглая. — Тихон держит дверь топором. Может, кусты выросли из того же правила.

Северин провёл рукой по бронзе. Связь колокола с дорогой тоже можно было отдать. Один сильный звон закрепил бы место и разрезал петлю, но лес потребовал бы плату с того, кто звонит. Здесь цена могла оказаться больше обычной.

— Не думай даже, — сказала Дарена.

— Ты видишь другой путь?

— Пока нет.

— Восемь стражников расходуют воду. Мы — время. Остальные ждут у двери.

— Поэтому надо решить быстро, а не одному.

За орешником кто-то закричал. Послышался топот, металлический лязг и удар тела о камень.

— Милета!

— Здесь! — отозвалась десятница. — Плишка пошёл на ваш голос. Теперь бегают кругами. Не узнаёт нас.

— Свяжите его.

— Ремни рвутся.

Дарена сунула метку за пазуху.

— Полного звона не будет, пока мы не назовём цену.

— Иногда цену узнают только после, — сказал Северин.

— Это привычка звонарей, не закон леса.

— Мёртвая сказала, что дверь слушает полный звон. Значит, он может показать нас Тихону.

— И тому, что за дверью.

Аглая поставила топор обухом на землю.

— Северин, если звон отнимет у тебя имя, что это значит на деле?

— Кто-то не вспомнит, как меня зовут.

— Кто?

— Не знаю.

— Навсегда?

— Похоже на то.

Матвей поднял с земли развязанный пояс.

— А если забудет Вешняк? Ты перестанешь быть его мастером?

— Мастерство не в слове.

— Если забудет сборщик податей, твой дом станет ничьим?

— Возможно.

— Если забудешь сам?

Северин не ответил. До сих пор большой колокол брал имя только у других. Сначала дальний знакомый путал его с отцом. Потом женщина с мельницы трижды спрашивала, кто он такой, хотя Северин проводил её мужа. Сам он помнил себя. Но никто не обещал, что так будет всегда.

Дарена достала полоску кожи с договорённостью и положила на край колокола.

— Я не запрещаю звон, — сказала она. — Я требую, чтобы ты назвал, чем готов платить, а мы решили, принимаем ли эту плату ради общего пути.

— Имя моё.

— Последствия общие.

На поляне Милета командовала людям лечь вокруг камня и закрыть уши. Плишка продолжал выкрикивать чужие имена. Один раз назвал Горазда отцом. Потом — лес братом.

Северин снял перчатку и приложил ладонь к бронзе.

— Я готов отдать ещё одну долю своего имени, чтобы вывести восемь живых из петли и закрепить путь к остальным. Не весь остаток. Не память о себе. Не право решать за этих людей.

Дарена поднесла метку к его руке. Чёрная ладонь стала светлее, но вырезанный глаз потемнел.

— Лес слышит ограничение, — сказала она. — Но добавляет цену: после звона он увидит нас.

— Он и так видит.

— Не так, как сейчас. Сейчас мы для него движения. Станем названными людьми.

— Матвея и Аглаю он уже знает.

— Меня — тоже, — сказала Аглая. — Я торговалась с ним.

Матвей поднял руку.

— Я назвал цену сам, хоть и не понял Тихона. Моё согласие было.

Все посмотрели на Дарену.

— Я ещё ничего ему не отдавала, — сказала она. — После звона лес сможет предложить цену мне лично.

— Тогда оставайся снаружи круга, — предложил Северин.

— И перестану быть равным голосом как раз перед решением.

Она разрежала ножом багровый след на запястье — неглубоко, лишь до первой крови — и прижала его к деревянной метке.

— Я согласна стать названной лесу, если звон не отдаёт ему моё умение и не делает меня плательщицей за других.

Угольный глаз на метке треснул по светлой линии. Одна половина осталась чёрной, другая стала чистой.

— Принял, — сказала Дарена.

Аглая и Матвей по очереди назвали согласие. Милета, выслушав их через стену, согласилась за своих людей только на проход, но не на передачу их умений.

— Плишка сейчас не может решать, — добавила она. — Его ведём без новой цены.

— Лес может не принять, — предупредила Дарена.

— Тогда остаёмся, — сказала Милета. — Человека без воли не продаю даже ради остальных.

Северин подвесил колокол на дугу. Аглая и Матвей удерживали стойки, Дарена встала у левого края, положив окровавленную ладонь на бронзу. За стеной стражники ухватились за ржавый камень.

— После первого удара идите на звук, — крикнул Северин. — После второго стойте, где окажетесь. Третьего не будет.

— А если понадобится? — спросила Милета.

— Тогда понадобится другая цена.

Он взял верёвку обеими руками.

Большой колокол на заставе был тяжелее в двадцать раз. Его язык приходилось раскачивать всем телом, сперва слушая пустые удары, потом находя точку, где бронза сама тянет руку. Походный отвечал быстрее, но здесь лес держал его край. Верёвка натянулась, будто была привязана не к языку, а к корню под землёй.

Северин потянул.

Удар не прозвучал.

Бронза раскрылась вокруг него без голоса. На миг Северин увидел всё, что звук должен был коснуться: круглую поляну с ржавым камнем; восемь стражников, один из которых бился в чужих руках; орешник, уходящий корнями к тёмной щели между соснами; Тихона, прижавшего поперёк щели голое топориче; девять людей за его спиной; огромное лицо без глаз по другую сторону двери.

Потом звук настиг мир.

Орешник лёг наружу ровным кругом. Не сломался — поклонился, прижав ветви к земле. Поляна и лес соединились. Милета подняла людей и повела к колоколу.

Северин не отпустил верёвку. Первый удар раскрыл петлю, но путь ещё не закрепился. За последним стражником кусты уже поднимались.

Плишку тащили двое. Он упирался, звал наместника отцом и пытался ухватиться за ветви.

— Бросьте его! — крикнул голос Горазда из леса. — Он согласился остаться!

Милета ударила Плишку кулаком под рёбра и перекинула его руку себе на плечо.

— Второй! — крикнула она.

Северин потянул верёвку.

На этот раз колокол прозвучал как обычно — низко, чисто, далеко. Земля дрогнула. Орешник застыл у сапог последнего стражника. Дорога за спинами людей стала прямой колеёй, а впереди между деревьями вспыхнули девять бледных огней.

Каждый огонь держался на высоте человеческой груди.

Девять живых у двери.

Северин выпустил верёвку. Имя уходило без боли. Так немеет палец на морозе: сперва кажется, что ничего не произошло, потом пробуешь согнуть и не чувствуешь движения.

Милета подошла к нему, всё ещё поддерживая Плишку.

— Звонарь, куда дальше?

— Ты знаешь, кто я?

Она нахмурилась.

— Знаю. Ты...

Губы сложились для первого звука, но имени не получилось.

— Мы вчера спорили у звонницы, — подсказал он.

— Помню. Наместник запретил тебе выходить. Ты стоял на ступенях. У тебя ещё ученик рыжий.

— Как меня зовут?

Милета отпустила Плишку так резко, что тот едва не упал.

— Не знаю.

В её голосе было больше страха, чем во время петли.

Дарена обошла колокол и встала рядом.

— Прочти, — сказала она, протягивая полоску кожи.

Милета прочла вслух:

— «Она видит цену. Он слышит людей. Если не сходится — ищут третий путь». Дарена.

Северин Лад.

Она подняла глаза.

— Буквы понимаю. Имя вижу. Но оно к тебе не пристаёт.

Северин забрал полоску. Собственная подпись была знакомой. Он помнил, как выводил каждую букву. Значит, лес снова взял имя у другого человека, не у него самого.

Пока.

— Называй меня звонарём, — сказал он.

— Я и раньше так называла.

— Теперь будешь всегда.

Милета коснулась его плеча, словно проверяла, не стал ли он бесплотным.

— Это из-за нас?

— Из-за моего звона.

— Который ты дал из-за нас.

— Мы все согласились на проход. На имя согласился я.

— Удобно разделил.

Дарена внимательно посмотрела на десятницу.

— Он сделал так, чтобы долг нельзя было переписать на вас. Не отдавай ему вину, которой лес не требовал.

— А благодарность можно?

— Если не превращаешь её в послушание.

Милета коротко усмехнулась.

— Теперь я понимаю, почему он взял в лес тебя.

— Не взял. Я пошла.

Восемь стражников окружили колокол. Они были измучены, но целы. Только Плишка смотрел на каждого как на незнакомца. Когда Милета назвала его по имени, он рассмеялся.

— Моё имя у отца, — сказал он. — Он купил.

— Горазд тебе не отец, — ответила она.

— У всех должников отец тот, кто держит запись.

Северин взглянул на Дарену. В плане наместника впервые проступило нечто большее, чем желание командовать поиском. Человек, привыкший покупать долги, мог считать имя ещё одной записью, которую разрешено перенести.

Аглая дала стражникам воды. Матвей рассказал о двери и девяти оставшихся людях. Когда он упомянул утраченное умение, никто не засмеялся. Стражники сами только что видели, как Плишка потерял связь с товарищами.

— Наместник идёт следом? — спросил Северин.

Милета покачала головой.

— Он вернулся в приказную избу. Велел найти тебя, забрать колокол и ждать его людей у старой смольни.

— Каких людей?

— Не сказал. На заставу ночью привезли две крытые телеги. Внутри кто-то был. Я слышала кашель и цепь.

— Должники, — сказала Дарена.

— Возможно. Мне не показали.

Северин посмотрел на девять бледных огней. Первый полный звон вывел стражников, закрепил дорогу и отдал Милете его имя. Но тем же звоном он показал лесу всех, кто стоял вокруг колокола, и открыл дверь для Гораздовых телег.

Впереди, там, где Тихон удерживал щель, один из девяти огней погас.

Аглая вскрикнула.

Северин схватил верёвку, но Дарена накрыла его руку своей.

— Мы договорились, — сказала она. — Третьего удара не будет без другой цены.

— Там человек.

— Поэтому не трать его жизнь на звук, который ничего не решит.

Из глубины леса донёсся топорный удар. Потом ещё один. Погасший огонь вспыхнул вновь, слабее прежнего.

Тихон всё ещё держал дверь.

— Сколько до него? — спросила Милета.

Дарена посмотрела на колею, потом на метку. Чистая половина глаза снова медленно темнела.

— Если пойдём всем отрядом — день. Если вчетвером — до полудня. Если звонарь даст третий удар — дверь придёт к нам сама.

— Вместе с тем, что за ней, — сказал Северин.

— Теперь ты слышишь цену до звона.

Он снял руку с верёвки.

— Идём без третьего.

Милета построила стражников парами, но строй сразу рассыпался: после петли люди невольно держались подальше друг от друга. Плишке связали руки полосой от плаща и поставили между двумя товарищами. Матвей заметил, что тот выворачивает левую кисть, и молча переложил узел. Следы он больше не читал, зато человека рядом видел.

Походный колокол понесли шестеро. Северин шёл у языка, Дарена впереди. Аглая несколько раз оглядывалась на него, будто пыталась что-то спросить.

— Говори, — сказал он.

— Если я забуду твоё имя, ты скажешь?

— Скажу.

— А если не поверю?

Он протянул ей полоску кожи. Аглая прочла подпись и вернула.

— Тогда напомни, что я выкупила малый котёл, — сказала она. — Это к тебе пристанет лучше имени.

Они двинулись по закреплённой колее. За спиной поднялся орешник, закрыв ржавый камень. Впереди девять огней медленно удалялись, но не исчезали.

Через сотню шагов Северин услышал далёкий большой колокол заставы.

Один удар.

Пауза.

Второй.

Вешняк звал его домой.

Северин остановился. Остальные тоже замерли. Лес повторил звук со всех сторон, примеряя голос большого колокола к каждому дереву.

На третий удар ему ответила дверь.

Не звоном — глубоким вдохом, от которого девять огней качнулись к земле.

Дарена подняла метку.

— Теперь она знает дорогу к заставе.

Северин посмотрел назад, хотя орешник уже скрыл выход.

Первый полный звон стоил имени одной знакомой. Второй путь к дому мог стоять имен всем, кто ждал за стеной.

— До полудня, — сказал он. — Доберёмся до Тихона раньше, чем Горазд приведёт телеги.

И отряд пошёл быстрее, не отвечая большому колоколу.

Глава 4. Человек без следа

К полудню Матвей исчез, хотя шёл посреди отряда.

Это случилось без крика и хруста ветвей. Северин обернулся на короткий стук: один конец носилок с походным колоколом опустился в мох. Аглая держала переднюю жердь, а задняя лежала возле сапога Плишки. Между ними оставалось пустое место, ровно в рост человека.

— Стой! — приказала Милета.

Её стражники остановились не сразу. После ореховой петли они всё ещё не могли держать строй: один делал лишний шаг, другой шарахался от плеча товарища. Плишка сел прямо на землю и засмеялся, будто пропажа Матвея подтвердила известную ему шутку.

— Он был здесь, — сказала Аглая. — Только что держал жердь.

Северин опустился на колено. Влажный мох примялся под всеми: широкие каблуки Милеты, косые сапоги Аглаи, кабаньи гвозди на подошвах стражников. Там, где шёл Матвей, зелёные звёздочки кукушкина льна стояли ровно.

Ни вмятины. Ни сломанной иглы. Ни отпечатка жерди на ладони земли.

— Зовите его, — сказала Милета.

— Без имени, — остановила её Дарена.

Она присела рядом и провела над мхом деревянной меткой. Вырезанная ладонь осталась чистой, зато глаз налился угольной чернотой.

— Лес смотрит, — сказала она. — И ждёт, кого мы назовём пропавшим.

Аглая сжала кулаки.

— Он уже знает Матвея. Тот отдал ему след.

— Знает его умение. Может быть, не знает, что мы считаем этого человека своим.

Северин вспомнил слова Матвея: свою привычку помню, след — нет. Лес взял не ноги и не глаза, а связь между знаком на земле и тем, кто его оставил. Теперь сделал следующий шаг: убрал самого Матвея из оставляемого мира.

Северин коснулся края колокола. Бронза молчала. Девять бледных огней, видимых после второго удара, дрожали далеко впереди. Если он позовёт Матвея звоном, дверь услышит тоже.

— Верёвку, — сказал он.

Милета сняла моток с седельной сумки. Северин обвязал один конец вокруг пояса, второй отдал Дарене.

— Я пройду назад двадцать шагов. Если перестанете меня видеть, тяните.

— Почему ты? — спросила она.

— Он шёл за колоколом. Я повторю его место.

— Тогда пойду рядом.

— Нет. Кто-то должен помнить, откуда тянуть.

Дарена хотела возразить, но посмотрела на чёрный глаз метки и кивнула.

Северин встал между Аглаей и Плишкой, туда, где прежде шёл Матвей. Сделал шаг назад. Мох промялся. Второй — тоже. После третьего лес вокруг стал тише, словно отряд отошёл на большое расстояние. На пятом шаге Северин уже не слышал дыхания людей, хотя видел Милету в десяти локтях от себя.

— Слышите меня? — спросил он.

Никто не ответил.

Дарена держала верёвку обеими руками. Губы у неё двигались. Северин различил своё имя по их форме, но голоса не услышал.

Он шагнул ещё раз и увидел Матвея.

Тот стоял у сосны спиной к отряду. Расстояние между ними было всего три шага, однако Матвей смотрел куда-то далеко, прикрыв глаза ладонью. Вокруг него тянулась широкая песча-

ная дорога, сухая и белая, с сотнями следов. Северин видел её сквозь полосу настоящего мха, как отражение в плохом стекле.

— Матвей!

Человек обернулся.

— Кто здесь?

— Звонарь. Не двигайся.

— Я и не двигаюсь. Они ушли, а я остался. Следов столько, что не пойму, куда.

Он показал под ноги. На белом песке отпечатки шли во все стороны: босые детские ступни, копыта, лапы, сапоги, птичьи пальцы. Некоторые заканчивались у сосновых стволов. Другие начинались из пустоты.

Северин видел настоящую землю под мороком. Там не было ни одного следа Матвея. Даже его сапоги не приминали мха.

— Возьми верёвку, — сказал Северин.

Он бросил свободную петлю. Та упала на песчаную дорогу перед Матвеем. Матвей нагнулся, но рука прошла сквозь пеньковое волокно, будто верёвка лежала под толстым льдом.

— Не могу достать.

— Тогда иди на мой голос.

Матвей сделал шаг вправо.

— Я здесь.

— Ты впереди.

— Для тебя — нет. Стой.

Северин обернулся. Отряд всё ещё был виден между деревьями. Дарена наматывала верёвку на предплечье и тянула его назад. Он показал ладонью, чтобы ждала.

На песке позади Матвея появился высокий человек в сером кафтане. Лица не было видно из-за солнечного света, которого в настоящем лесу не существовало.

— Следовик, — позвал человек. — Иди сюда. Я заплачу за дорогу.

Матвей вздрогнул.

— Тихон?

— Не Тихон, — сказал Северин. — Смотри на меня.

— Я тебя не вижу.

— Тогда слушай.

Серый человек поднял руку. На пальце блеснул тяжёлый перстень с печатью наместника.

— Ты отдал ненужное, — сказал он. — Я верну полезное. Покажешь мне дверь — получишь свои глаза обратно.

— Следы не глазами читают, — пробормотал Матвей.

— Значит, верну руки. Или память. Назови, чем ты это делал.

Матвей закрыл уши, но голос звучал не снаружи. Он повернулся к серому человеку.

Северин потянулся за малым бубенцом и остановился. Аглая больше не слышала его, а лес умел подделывать знакомый звон. Здесь всякая готовая примета могла стать поводом.

— Матвей, зачем ты пошёл в артель? — спросил он.

— Что?

— Не как. Зачем?

Серый человек приблизился. Песок не принимал его шагов.

— Не слушай безымянного, — сказал он. — Он вывел тебя пустым и называет это спасением.

Матвей нахмурился.

— Отец оставил мне долг, — ответил он Северину. — В деревне работы не было. Тихон взял меня без поручителя.

— Что ты сделал в первый день?

— Разлил смолу.

— Во второй?

— Обжёг рукав.

— В третий?

Уголок рта Матвея дрогнул.

— Нашёл сухой проход к дальнему бордю. Тихон сказал, что от меня всё-таки будет толк.

— Ты нашёл его по следам?

— По траве, по воде в колеях, по муравьям.

— Сейчас видишь траву?

Матвей посмотрел вниз, на белый песок.

— Нет.

— Потому что её заслонили следами. Там, где стоишь, мох. Слева сосна с раздвоенным корнем. За тобой муравьиная куча.

Матвей медленно опустил руки. Серый человек был уже рядом с ним и протягивал перстень.

— Один знак, — сказал он. — Коснись печати и снова увидишь дорогу.

— Чью? — спросил Матвей.

— Любую.

— Значит, не мою.

Он шагнул влево. На песке его нога попала в глубокий отпечаток медвежьей лапы. В настоящем лесу сапог упёрся в раздвоенный корень.

— Есть, — сказал Матвей. — Сосна.

— Держись за неё.

— Не чувствую коры.

— Чувствуешь. Просто лес показывает другое.

Матвей обхватил пустоту. Пальцы сперва сжались на воздухе, потом остановились, словно нашли твёрдое. Песчаная дорога дрогнула.

Серый человек ударил его по руке. Матвей вскрикнул и отпустил корень.

— Тяните! — крикнул Северин.

Верёвка рванула его назад. Он упал на спину, проехал по мху и едва успел схватить Матвея за ворот. Ткань была настоящей. На миг пальцы удержали её, но лес между ними натянулся, как сырая кожа.

— Не отпускай! — закричал Матвей.

Серый человек обхватил его поперёк груди. Теперь Северин разглядел под капюшоном не лицо Горазда и не лесную пустоту, а десятки мелких следов, наложенных друг на друга. Чужие подошвы составляли рот, копыта — глаза.

Дарена и Милета потянули верёвку. Северин пополз назад, волоча Матвея. Ворот затрепал.

— Скажи, что твоё! — крикнула Дарена.

Матвей не понял.

— Не имя! — добавила она. — То, что лес ещё не взял!

— Руки мои! — выкрикнул Матвей. — Ноги мои! Долг отцовский, но плачу я! Место в артели мне дал Тихон, а работу делал я!

Серый человек дёрнул сильнее. Кафтан Матвея лопнул по плечу.

— Ещё! — потребовала Дарена.

— Я умею тесать ручки! Ставить навес! Варить кашу, если не жалеть соли! Я не следы один!

С каждым названным умением он становился тяжелее в руке Северина. Серый человек распадался: сперва исчезли копытные глаза, затем рот из подошв.

— Я помню лица своих! — крикнул Матвей. — Даже если не вижу, куда они шли! Северин вывалился на колею. Матвей упал сверху. Верёвка стянула их к сапогам Дарены. Лес вернул звуки разом: тяжёлое дыхание людей, скрип жердей, ругань Милеты. На месте песчаной дороги рос невысокий мох. Серого человека не было.

Матвей перевернулся на спину и долго смотрел в ветви.

— Я оставил след? — спросил он.

Северин посмотрел туда, откуда они вырвались. Его собственная борозда тянулась на шесть шагов. Рядом мох оставался нетронутым.

— Нет.

Матвей сел.

— Значит, оно доело плату.

Аглая опустилась рядом и ощупала его руки, плечи, голову.

— Ты цел?

— Кафтан жалко.

— Кафтан зашью.

— Ты не умеешь.

— Научусь криво.

Дарена приложила метку к его сапогу. Глаз на деревяшке посветлел, но вырезанная ладонь потемнела до запястья.

— Лес считает тебя выведенным, — сказала она. — Но умение взял целиком. Ты не только чужие следы не прочитаешь. Сам не оставишь следа, который можно связать с тобой.

Милета оглянулась на своих людей.

— Для разведчика полезно.

— Для человека опасно, — ответил Северин. — Если он отстанет, мы не найдём его по земле. Если пропадёт, никто не докажет, куда он пошёл.

Плишка снова засмеялся.

— Нет записи — нет долга.

Матвей резко повернулся к нему.

— У наместника мой долг записан.

— Значит, у него ты есть. А у земли нет.

Милета велела одному из стражников дать Матвею запасной плащ. Тот протянул свёрток, но не выпустил сразу.

— Я видел, как ты исчез, — сказал он. — Подумал, что это ты нас завёл.

— Если бы я мог кого-то завести, начал бы с себя, — ответил Матвей.

Стражник отпустил плащ.

Северин хотел поднять жердь колокола, но Дарена удержала его.

— Теперь мы знаем, что делает тропа с уже уплаченной ценой. Она углубляет её, пока не заберёт человека вслед за умением.

— Значит, нельзя останавливаться.

— Значит, нельзя ставить Матвея туда, где лесу удобно закончить начатое.

— Куда его поставить? Он не оставляет следа.

Матвей затянул плащ на разорванном кафтане.

— Привяжите к колоколу.

— Нет, — сказал Северин.

— Почему? Ты сам обвязался.

— Я вошёл на верёвке добровольно и на десять шагов. Не поведу тебя как груз.

— Тогда дай конец мне в руку.

Дарена проверила меткой моток.

— Если он держит сам, цена малая. Усталость ладони. Если обвязать — лес сочтёт это новой связью и попробует взять её.

Матвей намотал конец на кулак один раз, не завязывая. Второй конец закрепили не на человеке, а на деревянной дуге колокола.

— Отпустишь, если потянет? — спросил Северин.

— Если потянет лес — нет.

— Если потянет колокол в яму?

— Тогда первым отпущу.

— Верный ответ.

Они подняли носилки. Матвей пошёл рядом, держа верёвку. Милета расставила людей не парами, а широким полукругом, чтобы каждый видел двоих соседей. Строй получился неровный, зато после ореховой петли никому не пришлось касаться чужого плеча.

Девять огней впереди стали ярче. Дарена вела не по колее, а по краю её видимости: стоило ступить на середину, земля начинала показывать следы. Сначала обычные, затем невозможные. Босые ступни шли по стволам. Отпечатки ладоней тянулись из-под корней. На одном сыром месте Северин увидел собственные сапоги, направленные обратно к заставе.

— Не смотреть вниз дольше одного вдоха, — велела Дарена. — Видите соседей, слышите колокол, держите выбранное направление.

— А если под ногой яма? — спросил стражник.

— Матвей скажет.

Тот удивился.

— Я?

— Следов ты не видишь. Землю видишь.

Через двадцать шагов Матвей первым заметил, что папоротник растёт из провала. Он ткнул жердью, и зелёный ковёр осыпался в старую углежогную яму. Ещё через сотню шагов остановил Милету перед корнем, похожим на безопасную кочку.

— Раньше ты бы смотрел на следы, — сказала Аглая.

— Раньше искал, кто прошёл. Теперь смотрю, куда ставить ногу.

Говорил он без гордости. Утрата не стала даром только потому, что заставила пользоваться глазами иначе. Когда с низкой ветки сорвалась сойка, Матвей инстинктивно взглянул на землю под ней и замер. Там были мелкие птичьи отпечатки, но он не мог понять, свежие они или прошлогодние, принадлежали одной птице или десятку.

— Я это знал, — сказал он тихо. — Даже не думал словами. Просто знал.

Никто не предложил ему утешения. Аглая лишь подала жердь, чтобы он проверил следующую кочку.

Ближе к полудню колея вывела их к ручью. Вода текла справа налево, хотя склон уходил в другую сторону. Через ручей лежало поваленное дерево, обрубленное с обоих концов. На ближней коре кто-то вырезал двенадцать черт. Одна была длиннее остальных.

— Знак Тихона, — сказала Аглая. — Длинная — старший.

Северин пересчитал огни. Девять.

— Здесь прошли все двенадцать, — сказала Милета. — Потом вы нашли двоих. Тихон у двери. Сходится.

— Нет, — возразил Матвей. — Я не прошёл здесь.

Милета посмотрела на зарубки.

— Тогда знак старше твоего возвращения.

— Я помню ручей. Мы шли через него после торга. Аглая была впереди. Тихон сзади.

— Может, ты ошибся.

Матвей опустил руку возле ствола, но не стал изучать землю. Провёл пальцем по зарубкам, понюхал свежий срез, потрогал мох на коре.

— Эти одиннадцать резал Тихон. Длинную — кто-то другой.

— Как понял? — спросил Северин.

— Тихон левша. Рез должен уходить вверх вправо. Одиннадцать так и идут. Длинная уходит влево. И она свежее.

Дарена поднесла метку. Ладонь почернела только на большом пальце.

— Маленькая ложь, — сказала она. — Не ловушка для жизни. Ловушка для счёта.

— Чтобы мы решили, будто Тихон прошёл вместе со всеми, — догадалась Аглая.

Северин вспомнил два одинаковых голоса, звавших с разных сторон, и голое топорщище поперёк двери. Кто-то умел повторять знаки артели, но не знал руки старшего.

— Переходим не по стволу, — сказал он.

Милета постучала по коре сапогом.

— Держит.

— Поэтому нас и зовёт.

Ручей был узким, но ниже по течению вода исчезала под сплетением корней. Выше разливалась между камнями. Дарена проверила оба пути. На нижнем метка показала чёрный глаз, на верхнем — чёрную ладонь.

— Внизу нас увидят. Наверху потребуют действие.

— Какое? — спросила Милета.

— Пока не знаю.

Матвей отпустил верёвку и вошёл в воду у самого берега.

— Что ты делаешь? — резко спросил Северин.

— Ищу дно, не путь.

Он двигался боком, проверяя каждый камень жердью. Вода доходила до колен и текла против видимого склона. На третьем шаге Матвей остановился.

— Здесь течение настоящее.

— Откуда знаешь?

— Холоднее. Та вода стоит и только показывает движение.

Он повернул вверх. Через несколько шагов течение стало сбивать жердь к левому берегу. Матвей не читал его знаков, просто чувствовал напор рукой. Вскоре нашёл гряду камней под водой.

Дарена проверила место.

— Цена — один предмет, который помогал находить дорогу.

Все посмотрели на Матвея. На его поясе висел пустой кожаный чехол для следовой иглы.

— Иглу уже взяли там, — сказал он. — Чехол остался.

— Пустое за полное не примут, — предупредила Дарена.

Матвей снял чехол. Кожа была потёрта до блеска, на клапане сохранились три прокола.

— Отец сшил. Я носил в нём первую иглу. Она была кривая, толку мало, но я с ней учился.

— Это не умение, — сказал Северин.

— Вещь. Река просит вещь.

— И память при ней.

Матвей долго держал чехол на ладони.

— Память не отдам. Только кожу и право пользоваться ею как знаком дороги.

Дарена положила метку рядом. Чёрная ладонь посветлела.

— Принимает ограничение.

— Это твоя цена, — сказал Северин. — Не цена отряда. Мы можем искать ещё.

— Пока ищем, Тихон держит дверь. И я не хочу всю жизнь носить пустой чехол, будто там осталось то, чего нет.

Он положил чехол на воду. Течение подхватило кожу и понесло вверх, против ручья. Через два локтя чехол стал плоским листом, потом исчез.

Каменная гряда проступила ясно. Люди перешли по одному. Матвей шёл последним, держась за верёвку колокола. Когда ступил на дальний берег, мокрые сапоги не оставили отпечатков в глине.

Плишка наклонился к гладкой земле.

— Вот человек, которого можно вписать куда угодно, — сказал он.

Милета схватила его за ворот.

— Повтори.

— Наместник любит чистые места. На чистом месте любая запись первая.

— Что он делал с должниками?

Плишка улыбнулся, но улыбка вышла детской и растерянной.

— Давал им отца.

— Как?

— Старое имя выкупал вместе с долгом. Новое записывал в книгу. Кого нет в книге, того нет на дороге. Кого нет на дороге, тому лес не выставит цену. Так отец говорил.

Северин почувствовал, как все посмотрели на Матвея.

— Я не чистое место, — сказал тот.

— Для земли — чистое, — ответил Плишка. — Для книги — должник. Лучше не бывает.

Дарена подняла с берега плоский камень и начертила на нём углём из своего мешочка: «Матвей Жданов, смолокур артели Тихона». Подала ему.

— Держи.

— Зачем?

— Земля не свидетель. Будем свидетелями мы.

Матвей взял камень обеими руками.

Милета приказала каждому назвать его по имени. Стражники повторяли неловко, некоторые с раздражением, но повторяли. Аглая добавила, что Матвей пересаливает кашу и умеет тесать рукояти. Северин назвал долг, который тот платит сам, и место в артели, данное Тихоном. Дарена перечислила то, чего у него больше нет: следовую иглу, чехол, умение связывать человека с отпечатком.

— Зачем говорить об утрате? — спросил Матвей.

— Чтобы никто не вписал на пустое место ложное умение, — ответила она. — Ты не бесследный следопыт. Ты человек, который был следопытом и заплатил этим за выход.

Камень потеплел в его руках. Вырезанный глаз на метке Дарены очистился.

Северин услышал впереди топор.

Один удар. Пауза. Два быстрых.

Аглая побледнела.

— Тихон зовёт по имени.

— Чьему? — спросила Милета.

— Один — старший. Два — тот, кто идёт без пары.

Матвей прижал камень к груди.

С другой стороны ручья на поваленном стволе появилась тринадцатая зарубка. Длинная, свежая, уходящая влево.

Потом ещё одна.

И ещё.

Лес считал людей, пока не получил нужное число.

— Уходим, — сказал Северин.

Они подняли колокол. На этот раз Матвей сам выбрал место: не в середине и не последним, а справа от Северина, где мог держать верёвку и видеть Аглаю. Девять огней впереди приблизились настолько, что внутри каждого угадывался человеческий силуэт.

За спиной хрустел нож по коре. Зарубок становилось больше.

Матвей не обернулся.

— Если я опять исчезну, — сказал он, — не ищите следов.

— Будем искать тебя, — ответил Северин.

— Это труднее.

— Поэтому лес и надеется, что мы перепутаем одно с другим.

Топор впереди ударил ещё раз. Теперь звук пришёл не из глубины леса, а из-под ног. Земля вздрогнула, и девять огней разом опустились ниже человеческого роста.

Дарена подняла метку. На ней почернели сразу ладонь и глаз.

— Тропа требует узла, — сказала она. — И следит, кто его завяжет.

Впереди показался огромный бук. В его ствол впились десятки старых верёвок, ремней и кос, а на самой толстой ветви висела деревянная дощечка с печатью, похожей на знак наместника.

Матвей сжал свой камень.

— На этот раз чистого места не будет.

Северин посмотрел на багровый след вокруг запястья Дарены. Она уже вынимала нож.

До двери оставалось девять живых и один узел, который лес хотел затянуть их собственными руками.

Глава 5. Узел на буке

Бук был толще заставной башни. Его корни подняли землю кругом, и от каждого корня тянулась тропа. Северин насчитал семь, потом моргнул и увидел девять.

Верёвки на стволе не были привязаны. Они входили в кору, будто дерево обросло ими за много лет. Пенька, конский волос, кожаные ремни, женские косы, лыко, полосы из знаменной ткани — всё сходилось к железному кольцу на высоте человеческой груди. Над кольцом висела дощечка с тёмной печатью.

Дарена остановила отряд у края корней.

— Никому не трогать узлы.

— Там нет узлов, — сказал один из стражников.

Она показала метку. Чёрная ладонь занимала всю деревяшку, чёрный глаз сузился в щель.

— Значит, узел ещё не завязан.

Северин посмотрел назад. Ручья не было. За спинами людей начиналась одна из троп, опоясывала бук и возвращалась к их ногам. На влажной земле виднелись отпечатки всего отряда, кроме Матвеевых.

— Мы уже ходили вокруг? — спросила Аглая.

— Нет, — ответил Матвей. — Но следы говорят, что ходили.

Он произнёс это спокойно, хотя прежде такая фраза была бы для него невозможна.

Милета выбрала двух стражников и велела проверить ближайшую тропу. Дарена попыталась остановить её, но люди уже прошли за корень. Через несколько мгновений они появились с противоположной стороны бука.

— Там чисто, — доложил первый. — Дорога идёт прямо.

— Вы обошли дерево, — сказала Милета.

— Не обходили.

Второй стражник посмотрел на собственные следы и побледнел. Они начинались возле его правой ноги, огибали ствол и заканчивались возле левой.

— Сколько шли? — спросил Северин.

— Шагов сорок.

— Я насчитал семь.

Дарена бросила на тропу сосновую шишку. Та покатилась вперёд, скрылась за корнем и тут же ударила её в пятку сзади.

— Круговая тропа, — сказала она. — Не пространство. Обязанность. Пока кто-то не завяжет то, чего требует бук, любой выход вернёт нас к началу.

— Разрежем верёвки, — предложила Милета.

— Они чужие. Не знаем, что держат.

Плишка подошёл к стволу, насколько позволяла связь на руках.

— Отец говорил: старый долг режут новым должником.

— Горазд тебе не отец, — напомнила Милета.

— Тогда почему его печать здесь?

Северин приблизился к дощечке. Знак и правда напоминал наместничий: три зубца над раскрытой книгой. Но у Горазда над книгой стояла корона, а здесь — ветвистый сук. К тому же края оттиска почернели от времени. Сам Горазд ещё не родился, когда эту древесину прибили к буку.

— Печать не его, — сказал Северин. — Он взял себе похожую.

— Или получил по наследству, — заметила Дарена.

Аглая всмотрелась в верёвки.

— Здесь есть артельная.

Она указала на просмоленную бечеву с двенадцатью короткими узелками. Один узел был распущен, волокна вокруг него выглядели свежими.

— Тихон завязывает такие на общем припасе. По одному на каждого.

— Значит, он прошёл здесь, — сказала Милета.

— Или оставил цену, чтобы прошли остальные.

Девять огней светились за стволом. Стоило Северину сделать шаг вправо, они перемещались влево, неизменно оставаясь по другую сторону бука.

Он приложил ухо к бронзе походного колокола. Огни не давали голосов. Зато из ствола доносился глухой скрип, похожий на перо по грубой бумаге.

— Здесь что-то записывается, — сказал он.

Матвей поднял камень со своим именем.

— Нас?

— Пока только движение.

Дарена ходила вдоль корней, не ступая между ними. На каждом шаге поворачивала метку то ладонью, то глазом. У северной стороны дерева она замерла.

— Здесь цена легче.

— Какая? — спросил Северин.

— Связь, которую человек принёс с собой. Не умение.

— Ремень? — предложил стражник.

— Ремень не связь. То, почему он держит именно эти вещи вместе, — связь.

Милета потёрла висок.

— Говори проще.

Дарена показала на ремень, стягивающий руки Плишки.

— Если разрезать этот, можно потерять не кожу, а право Милеты удерживать своего человека. Если разрезать верёвку колокола — не пеньку, а связь звонаря со звоном.

Северин убрал руку с верёвки.

— Значит, ничего не режем вслепую.

— А по кругу ходим зряче? — спросила Милета.

Она отправила стражника по другой тропе с условием считать шаги вслух. Он дошёл до десяти, на одиннадцатом его голос прозвучал из-за спины, а на двенадцатом человек вернулся к буку лицом вперёд. Он клялся, что ни разу не поворачивал.

Аглая попробовала бросить за корень клубок ниток. Клубок вернулся, но нитка обмотала ствол один раз. Когда она потянула, бук закрипел, и один из девяти огней погас.

— Отпусти! — крикнул Северин.

Аглая разжала пальцы. Нитка втянулась в кору. Огонь вспыхнул вновь.

— Он связывает наш выход с теми, кто у двери, — сказала она.

— Чтобы мы торопились и завязали что попало, — добавила Дарена.

На дальней стороне ствола появился человек. Он стоял между корнями, опираясь на топор. Северин узнал Тихонов широкий ворот и седую прядь над левым ухом.

— Тихон! — крикнула Аглая.

Человек поднял голову.

— Не ходите к двери. Я уже вывел всех.

Девять огней горели за его спиной.

— Назови первый котёл, который мы испортили вместе, — сказала Аглая.

— Еловый.

Она выдохнула.

— Так и было.

— Как ты его исправила? — спросил Северин.

Человек у бука помедлил.

— Добавила чистой живицы.

Аглая подняла топор.

— Нет. Я не умела тогда исправлять. Мы вылили всё в яму, а Тихон неделю называл меня богатой, потому что только богатая может выбросить полный котёл.

Ложный Тихон улыбнулся.

— Ты отдала умение. Теперь сама не знаешь, что было.

— Память я не отдавала.

Она ударила обухом в корень. Фигура рассыпалась серой корой.

В ту же секунду все тропы потемнели. Из-за бука разом заговорили девять голосов, каждый голосом знакомого человека. Северин услышал Вешняка, зовущего от заставы. Милета — кого-то по имени Ружа. Один из стражников ответил матери. Другой сделал шаг к детскому плачу.

— Молчать! — приказала Милета.

Её приказ утонул в голосах.

Северин не мог перекричать лес и не хотел брать колокол. Он схватил молоток и трижды ударил по деревянной дуге, не касаясь бронзы. Сухой стук был беднее любого голоса, зато настоящий. Аглая повторила его топорищем по корню. Матвей — камнем по жерди. Милета подхватила рукоятью ножа.

Люди стали отбивать один ритм. Не знак заставы и не артельный зов — просто три удара с равным промежутком. Чужие голоса сбились, запаздывая на половину мгновения. Стражники отступили от троп.

— Держите этот звук, — сказал Северин. — Пока мы его делаем сами, лесу нечего подделывать заранее.

Дарена подошла к железному кольцу. Её метка почернела целиком.

— Бук требует, чтобы одна связь стала замком, — сказала она. — Тогда остальные тропы откроются.

— Что значит замком? — спросил Матвей.

— Тот, кто отдаст связь, останется здесь её держать.

Аглая посмотрела на распущенный узел артельной бечевы.

— Тихон оставил связь со своей артелью?

— Нет. Узел распущен. Он отказался делать её замком.

— Поэтому лес пропустил людей по одному к двери, — понял Северин. — Там он торговался иначе.

Милета осмотрела своих.

— Можно оставить Плишку. Он сам говорит, что принадлежит Горазду.

Плишка перестал улыбаться.

— Я этого не говорил.

— Говорил десятки раз.

— Сказал отец. Не я.

— Вот видишь, — тихо ответила Дарена. — Даже человек с повреждённой волей различает чужое решение и своё. Бук предлагает удобное насилие. Поэтому цена кажется лёгкой.

Милета стиснула зубы.

— Я проверяла вас.

— Проверяй лес, не нас.

Северин обошёл ствол до артельной бечевы. Между волокнами застряла тёмная щепка. Он вынул её молотком. Это оказалась половина деревянной бирки. На одной стороне сохранились буквы: «...держит за всех». На другой — оттиск того же ветвистого знака.

— Здесь был договор, — сказал он.

Дарена приложила половинку к дощечке. Края совпали с отколотым углом.

— Не просто был. Он действует.

Матвей поднял голову.

— Кто держит за всех?

Скрип внутри бука усилился. Одна из старых кос натянулась, и из коры проступили слова. Буквы были неглубокими, их приходилось читать по теням:

«Кто назван старшим, тот держит путь за ведомых».

Ниже проступила вторая строка:

«Кто ведёт без старшего, оставляет связь».

— Вот почему он просит узел, — сказала Аглая. — Тихон остался у двери и перестал вести нас. Мы идём без старшего.

— У нас есть второй старший, — возразил Северин.

Дарена вынула полоску кожи с их договорённостью.

— Мы назвали меня вторым голосом и равной в решении о звоне. Не старшей артели.

— А я старший этого отряда, — сказала Милета.

Бук скрипнул. Её поясной ремень дёрнулся к стволу.

— Не называй себя здесь тем, кем он просит, — предупредил Северин.

Милета отрезала пряжку, прежде чем ремень успел натянуться. Кожа упала, но тут же вросла в корень. Стражники снова расступились вокруг неё. Лес пытался превратить командование в собственность.

— Я отвечаю за решения моих людей, — сказала Милета, тщательно выбирая слова. — Не держу их вместо них.

Натяжение ослабло.

Северин прочёл надпись ещё раз. Старый договор не требовал именно жертвы. Он требовал фигуры старшего, потому что был написан людьми, привыкшими отдавать одному власть и вину. Бук лишь исполнял это буквально.

— Можно переписать? — спросил он.

— Любой договор можно только переписать, — ответила Дарена. — Но нужна целая печать и названная сторона.

Отколотая половина была у них. Вторая оставалась частью дощечки, вросшей в ствол.

— Если снимем, узнаем цену, — сказала она.

— И дверь услышит задержку, — добавила Аглая.

Один из девяти огней погас. На этот раз топор не ударил сразу. Прошло несколько вдохов, прежде чем свет вернулся.

Северин посмотрел на людей. Двенадцать взрослых, измученных лесом, ждали решения. Если он объявит себя старшим, бук получит ровно то, чего хотел. Если будет бесконечно искать третий путь, Тихон ослабеет.

— Нам не нужно переписывать весь договор сейчас, — сказал Матвей. — Нужно выйти из одного круга.

— Каким образом?

— В нём сказано: без старшего оставляют связь. Не сказано — одну на всех.

Дарена посмотрела на него внимательнее.

— Разделить связь на малые части?

— У каждого есть причина идти с отрядом. Пусть каждый оставит часть этой причины, которая не держит его самого.

— Слишком похоже на плату умениями, — сказал Северин.

— Тогда не отдавать. Связать на время.

Дарена провела большим пальцем по краю своей метки.

— Моя деревяшка показывает цену, потому что связана со мной. Я вырезала её сама и каждый раз читаю через неё. Если разделить эту связь между всеми выходами, бук не получит одного старшего.

— Ты потеряешь метку?

— Возможно.

— Тогда не узнаешь цену следующего шага.

— Узнаю хуже. Не значит — совсем не узнаю.

Она говорила уверенно, но прижала метку к ладони, как человек прижимает больной зуб языком.

— Это не вещь, — сказал Северин. — Это твоё умение.

— Нет. Умение — замечать тяжесть выбора. Метка помогает мне не врать себе. Как твой молоток помогает дать точный удар, но не является слухом.

— Лес умеет расширять цену.

— Поэтому назовём её до разреза.

Дарена встала перед железным кольцом. Сняла перчатку и положила метку на корень чистой стороной вверх.

— Я отдаю не умение видеть цену и не право выбирать, — произнесла она. — Я разрываю единственную связь этой метки со мной. Каждый кусок будет показывать только цену шага того, кто его держит, и только до выхода из круга. После выхода куски становятся простой древесиной.

Чёрная краска проступила сквозь деревяшку. Ладонь и глаз появились на чистой стороне, зеркальные прежним.

— Принял? — спросил Северин.

— Предлагает добавить кровь.

— Нет.

— Моя кровь уже на метке после орешника.

— Тем более нет.

Дарена достала нож.

— Он просит не новую кровь. Просит разрезать по старому следу.

На её запястье темнела тонкая ранка, оставленная в прошлой петле. Дарена приставила к ней тупую сторону ножа и провела до основания ладони, не вскрывая кожу.

Метку пересекла трещина.

Она ударила рукоятью. Деревяшка раскололась надвое.

Бук содрогнулся. Все тропы разом вытянулись от корней, как распущенные ремни, но через несколько мгновений снова начали загибаться к стволу.

— Мало, — сказала Дарена.

Она разделила половины, потом четверти. Дерево сопротивлялось. Нож скользил, входил в волокна криво. Северин взял молоток, но не ударил, пока она не кивнула.

Двенадцать щепок легли на корень.

— Нас тринадцать, — сказала Милета.

Северин пересчитал: он, Дарена, Аглая, Матвей, Милета и восемь стражников. Тринадцать. Плишка стоял восьмым среди стражи, связанный и испуганный.

— Я не пойду, — сказал он. — Отец придёт сюда.

— Это твоё решение или его? — спросила Дарена.

Плишка зажмурился.

— Не знаю.

— Тогда мы не оставим тебя буку.

Она взяла самую крупную щепку и расколола зубами тонкий край. Получилось два неровных куска.

Каждому дали по одному. На щепках проступали разные знаки. У Северина — чёрное ухо. У Аглаи — котёл с трещиной. У Матвея — пустая ступня. На куске Милеты появился разомкнутый строй. Плишкина щепка осталась чистой.

— Что это значит? — спросил он.

— Что цена уже взята и бук не знает, что ещё считать твоим, — ответила Дарена.

Она дала ему свою щепку, на которой был вырезан сломанный глаз, а чистую оставила себе.

— Пойдёшь на моём выборе до выхода. Потом он закончится.

— Ты разрешаешь?

— Я прошу тебя идти рядом. Не отдаю тебя и не покупаю.

Плишка сжал щепку.

Тропы снова начали загибаться. Дарена велела каждому выбрать отдельный корень. Люди разошлись вокруг бука, оставаясь в пределах голоса.

— Мы выйдем в разные стороны, — возразила Аглая.

— Нет. Каждый пойдёт по своей причине, а не за старшим. Щепки свяжут выходы только до края круга.

— Как поймём, куда?

— Не поймём. Сделаем шаг и проверим цену.

Северин встал перед самой тёмной тропой. Девять огней висели там, куда она уходила. Его щепка обожгла пальцы. Он услышал на заставе большой колокол — один призывный удар. Вешняк или лес. Теперь различить было невозможно.

— Назовите, зачем идёте, — сказала Дарена.

Аглая ответила первой:

— Вернуть своих и не дать Тихону умереть у двери.

Матвей поднял камень с именем:

— Остаться человеком артели, даже если больше не могу быть её следопытом.

Милета сказала:

— Вывести моих людей и узнать, кого Горазд привёз в телегах.

Стражники называли простые причины: вернуться к детям, не бросить десятницу, вывести товарища, исполнить долг без продажи людей. Один признался, что идёт из страха остаться одному. Дарена приняла и это.

Плишка молчал дольше всех.

— Я хочу узнать, как меня звали до отца, — сказал он наконец.

Северин сжал щепку.

— Я иду услышать живых у двери и не отдать за них того, кто не согласился.

— Теперь шаг, — сказала Дарена.

Они ступили одновременно.

Бук рванул все верёвки. Косы натянулись струнами, ремни захлестали кору, железное кольцо раскалилось докрасна. Северина потянуло назад за имя: на один миг он забыл, как к нему обращаться самому. Не имя — способ повернуть мысль к себе. Внутри осталось пустое место без указательного слова.

Щепка обожгла сильнее. Он услышал голоса остальных, каждый на своей тропе, и сделал второй шаг.

На третьем бук исчез.

Все тринадцать стояли на одной узкой дороге. Никто не пришёл сзади или сбоку; словно они всё время шли рядом. Походный колокол лежал на жердях между стражниками. Девять огней светились впереди, ближе прежнего.

В руках остались обычные щепки. Знаки исчезли.

Дарена перевернула свой чистый кусок и провела по нему ногтем. Ничего не проступило.

— Получилось, — сказала она.

В голосе не было радости.

— Ты видишь цену? — спросил Северин.

Она посмотрела на дорогу, на людей, на него.

— Вижу, что все устали. Вижу, что Милета держит левую руку возле ножа. Вижу, что ты испугался на первом шаге. Но готового ответа больше нет.

— Значит, лес всё-таки взял умение.

— Нет. Он взял уверенность, которую давала метка. Это тоже много.

Северин хотел сказать, что они найдут другое дерево и вырежут новую, но промолчал. Новая вещь не стала бы той, которую Дарена носила годами, мазала углём и училась читать. Утрата не уменьшалась от возможности когда-нибудь сделать замену.

Матвей первым заметил дощечку. Она лежала посреди дороги, хотя никто не снимал её с бука.

Печать раскололась по старой трещине. На обороте открылся мелкий текст:

«Договор дороги и лесного двора. От двора — право удерживать заблудившегося до названной платы. От дороги — старший, отвечающий ремеслом за ведомых. Перепись допускается при целой печати и свидетелях обеих сторон».

Ниже стояли два знака. Ветвистый — тот, который Горазд переделал в свою печать. Второй напоминал раскрытый колокол.

Северин коснулся рисунка.

Бронза на носилках отозвалась тихим гулом.

— Звонари были свидетелями старого договора, — сказал он.

— Или стороной, — ответила Дарена.

Аглая перевернула дощечку.

— Печать не целая.

Одной половины не хватало — той, что Северин вынул из артельной бечевы. Он достал обломок. Древесина сошлась без зазора, ветвистый знак стал целым.

Девять огней погасли.

Впереди ударил топор — один раз, слабо.

Из-под соединённой печати выступила капля чёрной смолы. Она поползла по пальцам Северина, складываясь в буквы.

«Назови старшего».

Он разжал руки. Дощечка упала на дорогу, но не раскололась.

— Не назову, — сказал Северин.

Лес ответил голосом Горазда совсем близко:

— Тогда я назову за тебя.

За спинами отряда звякнула цепь.

На дальней тропе показались две крытые телеги.

Глава 6. Пустая строка

Цепь звякнула ещё раз, и лошади на дальней тропе остановились разом, будто упёрлись грудью в невидимую жердь.

Телеги стояли шагах в сорока. Между ними и отрядом не было ни корней, ни канавы, только ровная тёмная земля, присыпанная прошлогодней хвоей. Но пар от лошадиных ноздрей тянулся не вверх, а вперёд, к старой дощечке у ног Северина. Лес уже выбрал, что здесь считать дорогой.

На передней телеге сидел Край, приказчик Горазда. Северин знал его по заставе: сухое лицо, узкие плечи, пальцы всегда в чернильных пятнах. Рядом держал вожжи незнакомый возница в сером плаще. За ними под промокшим пологом сидели люди. Цепь проходила через железные скобы по бортам, но кандалов Северин пока не видел.

— Десятница Милета, — позвал Край. — Примите людей под охрану.

Милета не двинулась.

— По чьему приказу?

— Наместника. Письменный приказ у меня.

— Покажи здесь.

Край поднял сложенный лист, не слезая с козел.

— Подойдите и прочтите.

Дарена тихо сказала:

— Он хочет, чтобы мы пересекли место, где лес ждёт старшего.

Северин смотрел не на лист, а на людей под пологом. Их было шестеро в первой телеге и, судя по движениям ткани, не меньше пяти во второй. Один сидел слишком прямо, прижав локти к бокам. Другой всё время наклонял голову, словно на шее висел груз. Никто не звал на помощь.

Плишка шагнул из-за плеча Милеты.

— Отец прислал за мной.

Край повернул голову на звук.

— Наместник прислал исполнителей договора. А тебя велел доставить на заставу, если сохранил послушание.

Плишка опустил связанные руки.

Северин поднял с земли дощечку. Соединённая печать была тёплой, хотя чёрная смола уже застыла. Надпись «Назови старшего» исчезла, но пустое место под ней осталось светлее старой древесины. Будто кто-то выскоблил строку и ждал первого пера.

— Здесь не пройти строем, — сказал он Милете. — И приказчик это знает.

— Откуда?

— Смотри на лошадей.

Передняя кобыла переступила на месте. Её копыта опускались в хвою, однако следов не оставалось. Телеги стояли не в сорока шагах, а на другой стороне условия, которое лес ещё не исполнил.

Край снова поднял лист.

— Наместник разрешает звонарю выбрать любого из доставленных должников для переписи. Остальные вернутся на заставу. Это милость, Северин Лад. Пользуйся, пока она предложена.

Милета резко посмотрела на Северина.

Она помнила его самого, но имя, произнесённое Краем, прошло мимо её лица пустым звуком. Северин увидел это по короткой складке между её бровями. Цена третьей главы никуда не делась.

— Он не может разрешить то, чем не владеет, — ответил Северин.

— Долгами владеет.

— Людьми — нет.

Под пологом кто-то засмеялся. Смех был короткий, без веселья.

Край постукал листом по колену.

— Люди сами поставили знаки. За муку зимой, за лечение, за освобождение от суда.

В грамотах указано: при невозможности уплаты долг взыскивается службой по назначению наместника.

— Им сказали, что служба означает лес? — спросила Дарена.

— Договор не обязан перечислять каждое поручение.

— Значит, не сказали.

Один из стражников Милеты пробормотал ругательство. Другой отвёл глаза. Милета оглянулась на своих.

— Никто не переходит к телегам. Край, брось приказ на середину.

— Здесь грязно.

— Бумага переживёт.

Край помедлил, потом протянул лист вознице. Тот спрыгнул с козел. Левая нога у него подгибалась, и каждый шаг давался с усилием. Он прошёл десять шагов, хотя расстояние между телегой и отрядом не уменьшилось. На одиннадцатом остановился.

— Дальше не пускает, — сказал он.

Голос показался Северину знакомым. Не сам голос — манера проглатывать последние звуки, как делал писарь на старой смольне у восточной просеки. Северин бывал там три года назад, когда хоронили двух углежогов после обвала ямы.

— Назови, зачем идёшь, — крикнула Дарена.

Возница посмотрел на Края.

— Отнести приказ.

Земля под его здоровой ногой просела.

— Это поручение, — сказала Дарена. — Не твоя причина.

— Получить плату, — нехотя ответил он.

Хвоя впереди разошлась. Возница сделал ещё шаг и почти оказался возле них, хотя телеги остались далеко. Он бросил лист Милете и отступил. Обратный путь занял один шаг.

Милета развернула приказ. Печать Горазда была настоящей — корона над раскрытой книгой, три острых зубца по краю. Текст занимал половину листа. Внизу теснились имена и суммы.

— «Предоставить одиннадцать обязанных лиц для содействия поисковой службе, с правом старшего отряда назначить меру участия», — прочла Милета. — Ни слова о переписи договора.

— Мера участия включает всё необходимое, — отозвался Край.

— Не тебе толковать приказ при мне.

— Тогда толкуйте быстро. Наместник идёт следом.

Дарена присела возле дощечки и не касаясь провела пальцем над светлой строкой.

— Лес слышал его предложение. Пустое место стало шире.

Северин тоже это заметил. Светлая полоса уже не помещалась на дощечке. Она продолжалась по земле, тонкая и ровная, тянулась к телегам и проходила между колёсами. Пустая строка соединяла старую печать с привезёнными людьми.

— Уходим с неё, — сказал он.

Отряд отступил к обочине. Плишка задержался, глядя на телеги.

— Там знают моё имя.

— Край знает, каким тебя сделал Горазд, — ответил Матвей. — Это не одно и то же.

Плишка покорно отошёл, но глаза не поднял.

Девять огней впереди снова зажглись. Теперь они висели ниже, почти на уровне земли. От двери донёлся слабый удар топора. Аглая ответила обухом по корню — один раз.

— Тихон слышит, — сказала она. — Нам нельзя стоять.

— Идти по строке тоже нельзя, — возразила Дарена. — Она приведёт к тому, кого впишут.

Северин посмотрел вправо. За ольшаником темнела крыша. Он не замечал её прежде, хотя старая смольня должна была стоять именно здесь, возле высохшего отвода ручья. Покосившаяся труба, низкий навес, каменный котёл под стеной. В главном срубе сохранилась дверь.

Возница тоже увидел строение и перекрестился.

— Его не было, когда мы подъехали.

— Было, — сказал Край. — Вы просто не смотрели.

Но чернильные пальцы приказчика вцепились в край козел.

На двери смольни проступил ветвистый знак старой печати.

Северин спрятал дощечку под куртку.

— Милета, телеги остаются там. Твои люди — здесь. Мы проверим смольню.

— Приказ велит принять обязанных.

— Примешь, если они смогут перейти без чужого имени в строке.

— Я не подчиняюсь звонарю.

— И хорошо. Реши сама, готова ли вести одиннадцать человек туда, где лес ждёт старшего.

Милета перечитала приказ и сложила его вчетверо.

— Двое со мной. Остальные держат телеги в поле зрения. Если Край двинется, режьте постромки, не людей.

Край усмехнулся.

— Вы повреждаете имущество наместника.

— Пока только твоё настроение.

К смольне пошли Северин, Дарена, Аглая, Матвей, Милета и два стражника. Плишку оставили с остальными. Он не спорил, но Северин чувствовал его взгляд до самых ольх.

Пустая строка тянулась следом. Она не сворачивала вместе с ними, а возникала под каждым следующим шагом, точно бледный шов на земле. Северин попробовал идти по камням. Полоса появилась на камнях. Перешагнул через корень — она легла поверх коры.

— Она привязалась к дощечке, — сказала Дарена.

— Или ко мне.

— Отдай её.

Северин протянул печать. Дарена взяла обеими руками. Светлая полоса дрогнула, раздвоившись между ними, затем снова легла под ноги Северина.

— К тебе, — заключила она.

— Потому что я соединил половины.

— Потому что старый договор услышал в тебе свидетеля. Рисунок колокола был второй печатью.

Милета шла на два шага позади.

— Объясните без загадок.

— Лес хочет, чтобы он дописал плательщика, — сказала Дарена. — Пока не допишет, строка будет идти за ним.

— Тогда пусть впишет Горазда.

— Без его согласия?

Милета помолчала.

— Нет. Это было бы тем же самым.

У двери смольни лежала куча еловых веток, ещё зелёных. Кто-то прикрыл ими ступени недавно. Аглая откинула ветви топором и открыла железную скобу в пороге. К ней подходила цепь от телег — не настоящая цепь, а её тень. Звенья были видны лишь боковым зрением.

— Здесь их собирались поставить, — сказала она.

Матвей опустил на колено.

— Шли люди. Много раз.

Он потрогал землю, потом раздражённо вытер ладонь.

— Я знаю это не по следам. Земля утоптана, трава не растёт. Любой увидит.

— И этого достаточно, — сказал Северин.

Матвей поднялся без ответа.

Дверь была заперта на деревянный засов снаружи. Милета сняла его.

— Если запирали снаружи, внутри либо вещи, либо те, кого вещами считают.

Внутри пахло старой гарью, кислой смолой и мышами. Свет из двери лёг на земляной пол. Вдоль стены стояли нары, пять внизу и пять над ними. На каждой лежал свёрнутый рогожный тюфяк. У печи нашлась одиннадцатая подстилка.

Аглая провела пальцем по краю котла.

— Смолу здесь не варили лет восемь. Но печь топили позавчера.

— Должников держали до выхода, — сказала Милета.

Один из стражников открыл ставню. Снаружи всё ещё виднелись телеги, однако Край казался ближе, чем прежде. Он сидел неподвижно, держа руки на коленях.

Дарена нашла под нарами глиняную кружку. На дне присохла мучная болтушка.

— Людей кормили.

— Наместник скажет, что заботился, — заметила Милета.

— Забота не требует засова снаружи.

Северин услышал скрип пера.

Тот же звук шёл из бука, но здесь был отчётливее. Перо царапало бумагу за стеной, останавливалось и начинало снова. Северин обошёл помещение. За печью висели три старых лопаты, моток верёвки и кожаный фартук. Скрип доносился из-под медного листа, прибитого над очагом.

— Снимите, — сказала Милета стражникам.

Гвозди поддались легко. За листом открылся узкий шкаф. На полках стояли чернильница, песочница и пачки бумаг, перевязанные чёрной тесьмой. Перо лежало поперёк верхней полки и двигалось само, оставляя на верхнем листе тонкую прямую черту.

Аглая потянулась к нему.

— Не трогай, — одновременно сказали Северин и Дарена.

Перо остановилось.

На полях листа были выведены одиннадцать сумм. Рядом — имена людей с телег. Северин узнал лишь два: печника Зорята и вдову Малушу, торговавшую репой у южных ворот. Напротив каждого имени стояло умение.

«Класть свод».

«Считать без зарубок».

«Шить обувь».

«Различать съедобный корень».

«Помнить дорогу с одного раза».

Ниже шли ещё шесть. Не все были ремёслами. Кто-то должен был отдать умение успокаивать лошадь. Кто-то — различать голоса собственных детей издали.

— Они уже назначили цену, — сказала Милета.

— Кто? — спросил Матвей.

На листе не было подписи составителя. Только печать Горазда в верхнем углу и ветвистый знак внизу.

Дарена наклонилась ближе.

— Наместничья печать отпечатана чернилами. Старая проступила из бумаги. Горазд приготовил список, а лес добавил согласие своей стороны.

— Без согласия людей, — сказал Северин.

— Для старого договора согласие ведомых не требуется. Старший отвечает ремеслом за них.

Северин достал дощечку. Светлая строка на полу поднялась к шкафу и легла поперёк списка, перечеркнув все одиннадцать имён. Самое нижнее место оставалось пустым.

Перо повернулось остриём к Северину.

Он услышал тихий звон. Не походный колокол снаружи и не большой на заставе. Звенел рисунок на старой печати. В этом звуке было обещание лёгкого пути: написать одно имя, открыть дверь, вернуть девятерых, успеть к Тихону. Можно выбрать Края. Можно выбрать Горазда. Можно вписать человека, которого считаешь виновным, и назвать это справедливостью.

— Отойди, — сказала Дарена.

— Я стою.

— Ты слушаешь не нас.

Северин отступил на шаг. Звон стал тише.

Милета взяла список за угол.

— Это улика против Края.

Бумага не поднялась с полки. Милета потянула сильнее. В глубине стены что-то затрещало, а снаружи вскрикнула лошадь.

— Положи, — сказал Матвей. — Он связан с ними.

Милета отпустила лист.

— Тогда перепишем имена.

Один стражник достал угольный огрызок. Едва он вывел первую букву на обороте приказа, буква исчезла. На списке напротив имени печника Зоряты появилась такая же, словно бумага забирала любую запись о себе.

— Запоминать, — велела Милета.

Они разделили имена. Северин взял три, Дарена три, остальные по одному. Он повторил: Зорята — свод; Малуша — счёт без зарубок; Верен — дорога с одного раза. Простые связки, но в голове они скользили, не желая оставаться рядом. Стоило повторить третью, как первая рассыпалась.

Матвей вынул камень со своим именем.

— Царапать на вещах?

— Запись перейдёт сюда, — сказал стражник.

— Тогда не запись.

Матвей взял один из обломков Дарениной метки, оставшийся после круга, и начал вырезать не буквы, а знаки: печь под дугой, счётные косточки без доски, поворот дороги. На списке ничего не изменилось.

— Это не копия, — понял он. — Это моя память о том, что прочёл.

Остальные подобрали щепки. Аглая изобразила сапог, корень и конскую голову. Милета — ухо рядом с тремя маленькими лицами. Дарена не стала рисовать умения. Она вырезала на каждой щепке короткую черту и передала человеку, чьё имя запоминала.

— Что это? — спросил Северин.

— Не превращаю их в цену. Черта означает: есть человек, которого нужно спросить.

Северин стёр ногтем нарисованный свод на своей щепке и тоже оставил черту. Матвей подумал и перевернул знаки чистой стороной вверх.

Перо снова заскрипело. Под пустым местом возникли слова:

«Свидетель вправе назвать плательщика».

— Вот для чего нужен звонарь, — сказала Милета. — Не только подтвердить договор. Назначить того, кого возьмут.

— Старые звонари согласились на это? — спросил Матвей.

Северин не ответил. Рисунок раскрытого колокола был вырезан так же глубоко, как ветвистая печать. Значит, когда-то кто-то с его ремеслом стоял здесь и считал право назвать другого частью службы.

Он вспомнил наставника Велеба. Тот учил различать похоронный звон, пожарный, дорожный и зов потерявшегося. Но никогда не объяснял, почему старый молоток имел на рукояти насечку, похожую на ветку. После смерти Велеба Северин решил, что это просто трещина.

— Возможно, согласились, — сказал он. — Это не делает согласие вечным.

Из шкафа потянуло холодом. На пустой строке появилась первая буква — «С».

Милета обернулась к нему.

— Ты ничего не писал.

— Лес пробует имя, которое уже слышал.

Следом проступило «е».

Северин накрыл строку ладонью. Холод вошёл в кожу, как вода под ноготь. На мгновение он забыл, чем отличается имя от звания. Звонарь — это он. Свидетель — тоже он. Если лес впишет ремесло вместо человека, сможет ли кто-нибудь потом отделить одного звонаря от другого?

Дарена ударила рукоятью ножа по краю полки. Перо подпрыгнуло. Буквы остановились на «Се».

— Не касайся рукой, — сказала она.

— Если допишет само, дверь откроется.

— И ты станешь плательщиком прежде, чем выберешь.

— Я не выбираю себя.

— Тогда не изображай выбор телом.

Она выдернула из волос кожаный шнурок и набросила петлю на перо. Не касаясь древка, стащила его с полки. Перо упало на земляной пол, дёрнулось и поползло обратно к шкафу.

Аглая придавила его перевёрнутым котлом.

Скрип продолжился под медью. Котёл медленно двинулся к стене.

— Долго не удержим, — сказала она.

Северин осмотрел шкаф. Бумаги лежали пачками: старые списки, долговые расписки, дорожные грамоты. Некоторые пожелтели, другие выглядели свежими. На корешках стояли годы. Горазд пользовался смольней не первый сезон.

— Заберём всё, — предложил стражник.

— Всё связано с людьми, — сказал Матвей. — Потянешь бумагу — потянешь их.

Дарена указала на заднюю стенку шкафа.

— Там щель.

Между досками виднелся край другого листа. Он не лежал на полке, а был засунут за неё. Северин просунул молоток в щель и осторожно отжал доску. Из тайника выпала свёрнутая грамота, перевязанная белой ниткой.

На ней не было ни одного имени.

Верх занимал старый текст о дороге и лесном дворе. Ниже оставили широкую пустую строку для плательщика, ещё ниже — место для свидетеля и преемника. В конце стояли две

восковые печати. Ветвистая была целой. Колокол на второй печати кто-то срезал ножом, но след от него сохранился.

— Заготовка для переписи, — сказала Дарена.

— Целая, — добавила Милета. — С ней можно заменить старый договор.

— Или вписать одиннадцать человек разом.

Снаружи Край крикнул:

— Десятница! Наместник приближается. Немедленно выйдите!

Милета протянула руку за грамотой.

— Это доказательство.

Северин не отдал.

— Твоя стража служит Горазду.

— Сейчас мои люди исполняют мой приказ.

— А когда он прикажет вернуть бумагу?

Лицо Милеты стало неподвижным.

— Ты обвиняешь меня заранее.

— Нет. Я не хочу заставлять тебя выбирать до того, как ты увидишь, что он делает.

— Поэтому выберешь за меня?

Дарена встала между ними, не заслоняя ни одного.

— Грамота опасна не потому, что Милета ненадёжна. Любой, кто понесёт её открыто, станет старшим с готовым правом назвать плательщика. Стража выстроится вокруг десятницы, и лес прочтёт строй как согласие.

Милета посмотрела на своих двух людей. Те стояли по обе стороны двери, привычно оставляя ей середину.

Она первой сошла с этой линии.

— Тогда несёт тот, у кого нет подчинённых, — сказала она.

— У него есть мы, — возразила Аглая. — Лес уже пробовал назвать его свидетелем.

— Дарена?

— Старый договор слышал её вторым голосом.

— Матвей?

Матвей поднял камень.

— Я всё ещё считаю себя человеком артели. А Тихон назван старшим.

Аглая покачала головой:

— Я варщица. За мной пойдут смолокуры, если Тихон не сможет.

Они перебрали всех и поняли: безопасного носителя нет. Не потому, что каждый имел власть, а потому, что любая связь могла стать поводом назвать её властью.

Котёл у стены сдвинулся ещё на ладонь. Из-под края показался кончик пера.

Северин свернул пустую грамоту вчетверо.

— Я спрячу её здесь.

— Край знает про шкаф, — сказала Милета.

— Про шкаф — да. Про место, которое лес не считает хранилищем договора, может не знать.

Он подошёл к холодной печи. В кирпичной кладке зияла круглая щель для тяги. Аглая осмотрела её и достала из золы обгоревшую косточку.

— Там сухо. Но если растопят, бумага сгорит.

— Поэтому они не станут искать её в печи. Им нужна грамота целой.

Северин просунул свёрток глубоко в тягу и молотком сдвинул внутреннюю заслонку. Грамота упала не в топку, а в боковой ход. Достать её можно было лишь разобрав два кирпича или зная, где открыть заслонку.

— Теперь мы все знаем, — заметила Милета.

— Все присутствующие выбрали не вписывать человека. Этого достаточно на сегодня.

— А моим стражникам снаружи что скажем?

— Правду: нашли список должников и пустое место. Грамоту не нашли.

Милета долго смотрела на него.

— Это уже не вся правда.

— Нет.

— И ты просишь меня солгать своим людям.

— Прошу не отдавать оружие тому, кто привёз людей как плату. Можешь сказать им, что улика осталась в смольне и её нельзя вынести без вреда пленным. Это тоже правда.

— Удобная.

— Не удобная. Удобно было бы вписать Края.

Из-под котла донёлся резкий треск. Перо переломилось. Обе половины продолжали ползти к шкафу.

Дарена подняла медный лист и прислонила его обратно к стене.

— Закрываем. Пустая строка не исчезла, но мы не обязаны заполнять её сейчас.

Они поставили лист на прежнее место, не забивая гвоздей. Аглая убрала котёл. Половины пера исчезли в щели шкафа. Через мгновение скрип возобновился за медью.

На улице стало темнее. Телеги стояли там же, но теперь между ними виднелись три всадника. Средний был в светлом плаще Горазда.

Наместник приехал без спешки.

Милета первой вышла из смольни.

— Обязанных не принимать! — приказала она своим. — Список назначенных цен найден. Согласия людей нет. До выяснения они остаются возле телег без передачи лесу.

Край спрыгнул с козел.

— Вы превышаете власть.

— Запиши жалобу.

— Уже.

Он посмотрел на Северина, потом на его пустые руки.

— Где грамота?

— Какая? — спросила Милета.

Край понял ошибку и сжал губы.

Горазд остановил коня у невидимой границы. Он был старше Северина лет на пятнадцать, широколицый, с аккуратно подстриженной бородой. В лес оделся как на смотр: сапоги чистые, перчатки светлые, застёжка плаща в форме раскрытой книги.

— Добрый день, — сказал он. — Хотя лес, кажется, спорит с погодой.

Никто не ответил.

Горазд перевёл взгляд на Плишку.

— Ратибор, подойди.

Плишка вздрогнул.

— Это я?

— Ты. Я дал тебе службу, кров и новое имя. Не заставляй меня повторять.

Плишка сделал шаг. Связанные руки поднялись сами, словно человек хотел защитить лицо.

Дарена не удерживала его.

— Ты хотел узнать прежнее имя, — напомнила она.

— Он назвал это.

— Он назвал данное им.

Плишка остановился. Светлая строка под ногами Северина дрогнула и протянула тонкий отросток к нему.

Горазд заметил движение хвои.

— Северин, вы нашли старую печать. Я благодарен. Теперь отдайте её законному хранителю дороги.

— Кто сделал вас хранителем?

— Тот же порядок, который ставит звонаря у колокола, десятницу над стражей, старшего над артелью. Без старшего люди идут кругами. Лес лишь говорит это честнее нас.

— Лес повторяет договор, который ему дали.

— Значит, дадим лучший.

— С пустым именем должника?

Горазд улыбнулся едва заметно.

— Имя впишет свидетель. Я не собираюсь отнимать ваше древнее право.

Северин почувствовал под курткой тепло дощечки. Пустая полоса на земле стала ярче. Горазд не знал, что целая грамота спрятана в печи, но знал достаточно, чтобы заставить лес искать её через свидетеля.

— Где Тихон? — спросил наместник.

Аглая ответила:

— Держит дверь, пока вы торгуете людьми.

— Я привёз цену, которая позволит вернуть его и остальных.

— Вы привезли одиннадцать человек за девять огней.

— Остаток нужен для дороги. Нельзя всякий раз собирать совет у каждого корня.

Вот оно. Не спасение одной артели, а запас плательщиков на будущее. Северин увидел, как Милета медленно сложила приказ и убрала за пазуху. Она тоже услышала.

— Мы идём к двери без ваших людей, — сказал Северин.

— Тогда потеряете время. Возможно, самого Тихона.

— Это не даёт мне права назначать чужую цену.

— Право уже дано. Вопрос только в том, воспользуетесь ли вы им раньше меня.

Горазд спешился. Его сапог коснулся земли, но границу не пересёк. Наместник был осторожнее приказчика.

— Печать у вас, — продолжил он. — Грамота в смольне. Должники здесь. Осталось имя старшего. Лес собрал всё необходимое. Вы можете упрямитесь, но пустая строка не любит пустоты.

Как будто в ответ из смольни донёсся скрип. Светлая полоса побежала от порога к Северину. На этот раз она поднималась по сапогам, становясь похожей на бледную нить.

Дарена перерезала её ножом. Лезвие прошло сквозь свет, не встретив сопротивления. Полоса тут же срослась.

— Уходим, — сказала она. — Пока строка не начала писать по человеку.

Милета велела четырём стражникам остаться с телегами.

— Не принимать приказов Края до моего возвращения. Людей напоить. Цепь со скоб снять, но никого не вести через границу.

— Наместник здесь, — напомнил один.

— Я вижу.

— Его приказ выше.

— Тогда реши сам, исполнишь ли приказ превратить людей в плату. Но потом не говори, что десятница выбрала за тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.